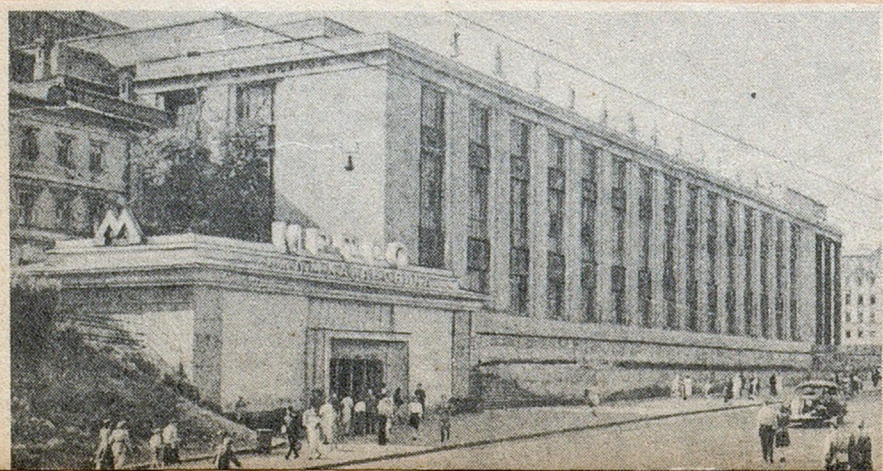

«ЗОЛОТАЯ МОЯ МОСКВА»

Кто не знает этих слов из популярной песни о Москве? Сердце родины, город, к которому обращены взоры всего мира. Много раз можно видеть Москву, но каждый раз открывать в ней новую красоту. Строго величавая Красная площадь, старинные башни и стены Кремля, одетые в гранит набережные, широкие мосты, шумные, многолюдные улицы, сады и бульвары, — не забыть их никогда тому, кто побывал в Москве. На снимках слева: Красная площадь и Кремлёвская набережная; справа: арка, соединяющая улицу Горького с улицей Станиславского; Каменный мост. На снимках внизу: Всесоюзная библиотека имени Ленина и Александровский сад.

Фото А. Узян.

Огонёк

№ 34 (953)

Воскресенье, 26 августа 1945 года

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

В номере:

К 10-ЛЕТИЮ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Наиболее жизненное и непреодолимое...

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

В. Беляев. — Новые сказки Венского леса. Академик И. Э. Грабарь. — Русская наука об искусстве. И. Гейзер. — Рентгенохирургические операции.

ПРОЗА

Евг. Босняцкий и И. Рахтанов. — Жена старшины. Рис. В. Высоцкого. Н. Шпанов. — Тайна трёх. Рисунки А. Шульца.

СТИХИ

Неизвестное стихотворение Лермонтова «Весна». Александр Жаров. — Раньше всех. Сергей Лазо.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Т. Кулаковская. — Украинский театр в Москве. Ирина Вершинина. — Чтец-рассказчик Михаил Верёвкин. Т. К. — Будущие актёры. Е. Пятакова. — Новая постановка Театра оперетты. И. В. Фёдоров. — «Русская избушка». Новые книги.

ИЗ ПРОШЛОГО

Б. У-ский. — Замечательный документ.

ЮМОР

Борис Привалов. — Сирень. Рисунок Г. Валька.

СПОРТ

КТО ЭТО СКАЗАЛ?

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

СМЕСЬ

50 ЛЕТ НАЗАД

ШАХМАТЫ

ШАШКИ

КРОССВОРД

НА ОБЛОЖКЕ: стахановка дарико Чиченшвили, работающая на чайных плантациях Чаквинского совхоза имени Ленина (Аджарская АССР). Она выполняет норму сбора чая на 400%.

Фото Я. Рюмкина.

К 10-летию стахановского движения

НАИБОЛЕЕ ЖИЗНЕННОЕ И НЕПРЕОДОЛИМОЕ...

Несколько лет назад Алексей Стаханов показывал корреспондентам два письма, полученные из-за границы. Одно имело штамп университета Линкольна в Америке, другое было из Вены, от историко-биографического архива. «Мой дорогой сэр, — говорилось в первом письме, — университет памяти Линкольна организовал камеру собственноручных актов, которая содержит теперь много фотографий с автографами и подлинные письма великих людей нашего собственного и прошлого поколений. Мы бы сочли за честь присоединить вашу фотографию с собственноручной надписью к нашей коллекции и были бы благодарны, если бы вы её нам прислали». Письмо из Вены представляло собой анкету со следующими вопросами: фамилия и имя, место рождения, число, день и год рождения, сведения из семейной истории (родители, предки, прежнее место жительства семьи), родство с известными знаменитыми личностями или семьями, юность и воспитание, годы успеха (произведения, творчество, действия).

Что бы мог ответить на эти вопросы сын бедняка-крестьянина, не имевшего никакого хозяйства? Родства с известными, знаменитыми личностями или семьями у него также не было. Сведения из семейной истории ограничивались тем, что из года в год родственники уходили из деревни в город, большей частью на шахты. Отец Алексея, Григорий Варламович Стаханов, не имел никакого хозяйства, хлеба в семье не хватало, и нужно было ходить на поклон к кулаку. Юность прошла в кабале. Девятилетним мальчиком ушёл Алексей в батраки, был подпаском, мечтал о собственном сером коне — это был предел чаяний, — работал грузчиком, чернорабочим на кулацкой мельнице, в 1927 году 22-летним парнем решил уйти из родной деревни Луговой, Орловской области, на шахту, хотя шахты боялся страшно: трудно было представить себе, как это работают люди в глубине, под землёй. А тут ещё дед всё приговаривал: «Шахта — это каторга, убьёшь силу свою зря, пропадёшь...»

Дед предостерегал внука от работы в шахте, ибо знал шахту дореволюционную, шахту-мышеловку, где по проходу на четвереньках, как кошка, полз уголеком, волоча за собой на верёвке гружёные углем санки.

Но Донбасс, куда шёл Стаханов из деревни, был не тем Донбассом, который представлялся деду. Шахта была не та, жизнь была другой. Электричество проникало в шахту, машина изменила труд шахтёра. Ряды новых домов выстраивались в посёлках, вдоль асфальтированных дорог появлялись строгие ряды деревьев, цветники пестрели вокруг. Путь к углю стала освещать уже не копилка «бог в помощь», а электрическая лампочка. Врубковка, отбойный молоток, конвейер, транспортёр, компрессор, электровоз из года в год всё в больших количествах входили в арсенал угольного Донбасса, — и бывший тормозной, бывший коногон Алексей Стаханов стал в конце концов забойщиком. Он прошёл курс обучения без отрыва от производства и стал разбираться до тонкостей в порученном ему механизме. Курсы он окончил с оценкой «отлично», сдал государственный технический экзамен: готовясь к этому экзамену, он думал не только о себе, но и о товарищах и помогал отстающим стать отличниками в учёбе.

Десять лет назад, в ночь на 31 августа 1935 года, Алексей Стаханов опустился, как обычно, в шахту. Но для него это не была обычная горняцкая вахта: он знал, что в эту ночь труд его будет иным, не похожим на вчерашний. Но он, конечно, никогда не предполагал, что ему суждено в ту ночь высечь искру, которая превратится в пламя. За несколько дней до этого товарищи спросили Алексея Стаханова, что он думает о возможности выжать из техники больше того, что она даёт. Разговор шёл конкретный: хорошие шахтёры давали по 10—14 тонн угля в смену. Но можно ли дать больше? Стаханов сказал, что если организовать труд лучше, устранить перебои в подаче воздуха, расставить как следует крепильщиков,

то он поручится за сотню тонн... Друзья посмотрели с удивлением, но Стаханов настаивал на своей цифре: да, сотня тонн!

И вот было утро 31 августа 1935 года. Заря занялась над Донбассом, заря последнего августовского утра того года. Щедро солнце золотило землю, покрытую угольной пылью. До гудка было ещё далеко, но шахтёры торопились на работу, ибо по посёлку прошёл необыкновенный слух. Говорили о том, что сегодня в ночь Алексей Стаханов за 5 часов 45 минут вырубил 102 тонны угля.

— Это ведь больше шести железнодорожных вагонов! — говорили одни.

— Да, больше, — отвечали им.

Алексей Стаханов.

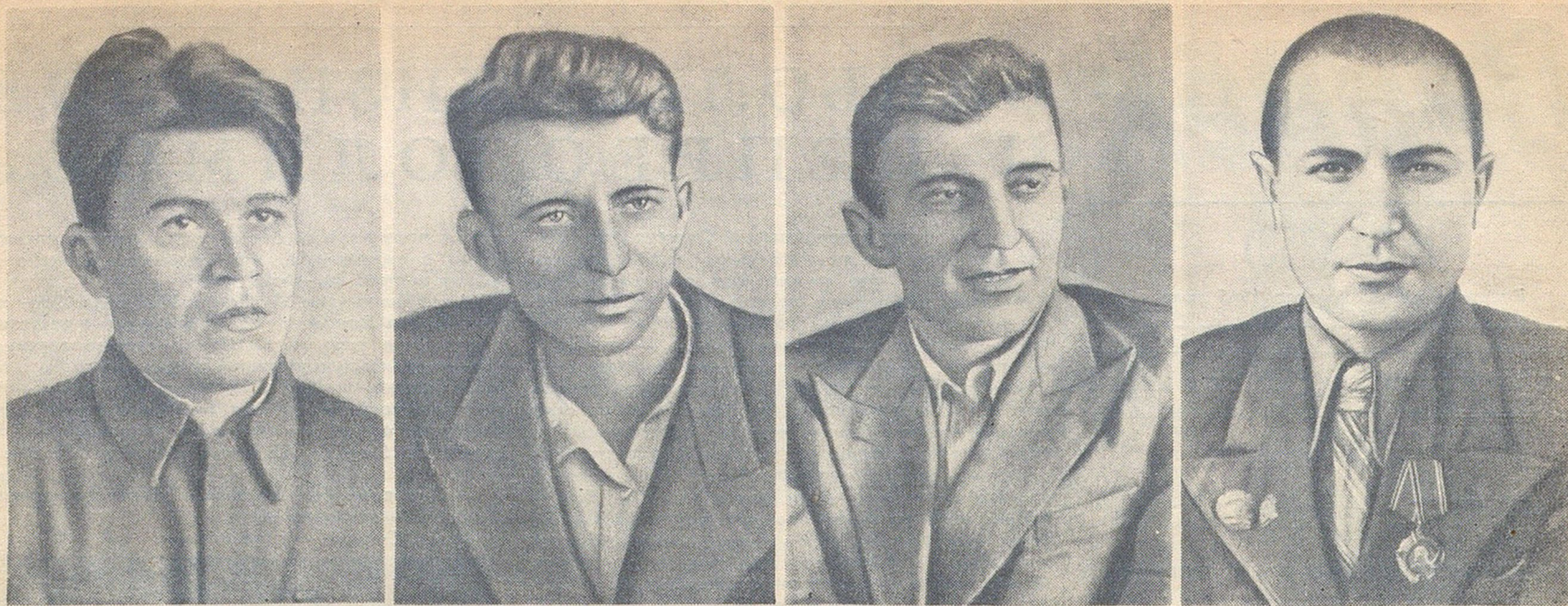
Фото Ю. Меснянкина

— Можно ли верить, что один человек дал за одну смену столько? — спрашивали другие.

Приходилось верить. Вот он, этот человек, ничем не выделяющийся по виду от других, человек, которому сейчас поднесли цветы в нарядной, где собрались шахтёры, человек, которого сейчас обнимают друзья и поздравляют товарищи...

«Стахановское движение нельзя рассматривать, как обычное движение рабочих и работниц. Стахановское движение это такое движение рабочих и работниц, которое войдёт в историю нашего социалистического строительства, как одна из самых славных её страниц», — так сказал товарищ Сталин на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев, которое собралось в Москве, в Кремле, через два с половиной месяца после рекорда Алексея Стаханова.

Первое слово на этом совещании Серго Орджоникидзе предоставил Алексею Стаханову. Кроме Стаханова, с кремлёвской трибуны выступали Кривонос и Закорко — от железнодорожников, Бусыгин — от машиностроителей, ткачихи Виноградовы — от текстильщиков, Сметанин — от обувщиков, Пушкин, Бобылёв и Сороковой — от металлургов и десятки других представителей разных профессий, каждый из которых в своей отрасли был первым последователем Стаханова и доказал, что не только на угле, но и во всех других отраслях нашей индустрии можно превзойти установленные технические нормы, можно преодолеть пределы, считавшиеся канонизированными, можно дать стране больше продукции, чем

ВЫДАЮЩИЕСЯ СТАХАНОВЦЫ, НОВАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА. Лауреаты Сталинской премии (слева направо): бурщик Алексей Семиволос, фрезеровщик Дмитрий Босый, бурщик Илларион Янкин; крайний справа: электросварщик Егор Агарков.

это намечалось планом. Стаханов был первым. Но между тем днём, когда он поставил свой рекорд, и тем часом, когда тысячи стахановцев слушали в большом зале Кремлёвского дворца великого Сталина, назвавшего стахановское движение «наиболее жизненным и непреодолимым движением современности», уже появились в стране такие герои труда, как Гудов, уже разнеслась весть о рекордах доменщиков и сталеваров, текстильщиков и железнодорожных машинистов. Движение, зародившееся снизу, распространилось по всей нашей земле, как великое пламя, как подлинный ураган. «Только движение, которое вполне созрело и ждёт толчка для того, чтобы вырваться на волю, — только такое движение могло распространиться так быстро и нарастать, как снежный ком», — сказал товарищ Сталин.

Стахановское движение товарищ Сталин назвал новым, высшим этапом социалистического соревнования, связанным с новой техникой. Рабочие и работники, полностью овладевшие техникой дела, оседлали эту технику и двинули её вперёд. Они сломали старые взгляды на технику, старые нормы, старые проектные мощности, старые производственные планы. Они потребовали создания новых технических норм, новых проектных мощностей, новых производственных планов. Люди грамотные, технически подкованные, показывающие образец точности и аккуратности в работе, умеющие ценить фактор времени, научившиеся бережно относиться не только к минуте, но и к секунде, — они сумели выжать из техники максимум того, что она может дать.

Стахановский труд обогатил науку. На приёме работников высшей школы в Кремле 17 мая 1938 года товарищ Сталин поднял тост за здоровье Стаханова и стахановцев. Он говорил о том, что за общим столом сидят люди науки и люди практики. Он говорил, что бывает, когда новые пути науки и техники прокладывают не известные в науке люди, а новаторы дела, практики, люди простые, неизвестные в научном мире, не имеющие учёных степеней. «Но кому неизвестно, — спрашивал товарищ Сталин, — что Стаханов и стахановцы в своей практической работе в области промышленности опрокинули существующие нормы, установленные известными людьми науки и техники, как устаревшие, и ввели новые нормы, соответствующие требованиям действительной науки и техники?» С тех пор среди лауреатов Сталинской премии появились сталевар рядом с академиком, фрезеровщик рядом с конструктором.

«Стахановец» стало почётным званием в нашей стране. Стахановец — патриот. Стахановец — человек инициативы, напора. Стахановец — олицетворение смелости. Стахановец — человек, безгранично преданный родной стране и стремящийся своим трудом усилить её мощь. Такими мы узнали стахановцев за истекшее десятилетие. За таких стахановцев мы голосовали на выборах в Верховный совет Союза, в Верховные советы

союзных и автономных республик, в местные советы депутатов трудящихся. Стахановец — это была первая и основная черта характеристики наших избранников. Стахановец — человек труда — стал в это десятилетие общественным деятелем в нашей стране.

Десять лет, прошедших с того дня, когда девушки на шахте «Центральная-Ирмино» поднесли забойщику цветы в августовское утро, советские люди были участниками великого, жизненного и непреодолимого движения. Из десяти лет стахановского движения четыре прошли в войне, в жесточайших битвах за честь, свободу и независимость родной страны. В годы мира стахановское движение подготавливало страну к обороне. Миллионы стахановцев трудом укрепляли военное могущество отчизны. Металлурги давали скоростные плавки, в горнорудной промышленности появился метод многозабойного обуривания, в угольной промышленности шла борьба за цикличную, слаженную работу всего коллектива, в нефтяной промышленности тысячи людей стали мастерами скоростного строительства вышек и скоростного бурения скважин. Появились смелые новаторы, замечательные организаторы, которые повели за собой широкие массы рабочих.

В тот день, когда вихрь войны ворвался на нашу землю, стахановское движение стало могучей опорой героического фронта. Труд во имя победы стал законом жизни и деятельности миллионов людей. Работать за двоих, за троих стало стремлением патриотов, решивших заменить тех, кто ушёл на поле боя, чтобы с оружием в руках защищать родную страну. Стахановцы строили бетонированные укрепления и осваивали выпуск новейших конструкций оружия, они добывали уголь и давали чугун на шахтах и заводах Кузбасса за себя и за Донбасс, который был временно оккупирован врагом. Они выпускали машины для строившихся заводов и фабрик. Они одевали и обували Красную Армию и страну. Они водили паровозы к линии фронта на невиданных скоростях. Они ремонтировали боевую технику в сроки, казавшиеся многим фантастическими. Они сооружали новые предприятия скоростными методами. Они совмещали строительство с монтажом. Они внедряли новую технологию. Они овладевали несколькими профессиями. Они обслуживали по несколько станков: заменить товарищей считалось высокой честью и трудовой доблестью. Они вносили каждый день новые предложения, направленные к тому, чтобы рациональнее расходовать сырьё, топливо, материалы. Фактор времени в работе стал для них решающим, ибо минуты, выигранные на производстве, решали исход сражений. Уральские пушкарники и бакинские нефтяники, сталинградские тракторостроители и кузнецкие металлурги, москвичи и ленинградцы, грузины и казахи, девушки и юноши, мужчины и женщины, трудившиеся на заводах в дни войны, стяжали славу воинов. И история оценит их доблестный труд во время войны, как оценила наша армия,

водрузившая знамя победы над Берлином, и высоко ценят воины, громящие японских агрессоров.

Мы всегда понимали труд, как бой. Обращаясь к людям труда, Максим Горький когда-то писал: «Мы все должны понять себя, как Красную Армию... Это ваш великий будничный, но величайший бой с бесформенным металлом, из которого вы создаёте разумные машины, с землёй, которую вы заставляете давать обильные урожаи, бой под землёй, где вами добывается уголь, бой на транспорте, в зимние ночи против снежных метелей, — всюду вы ведёте бои словом и делом». В труде человек боролся с природой. Свой творческий и вдохновенный труд советский человек всегда посвящал стране. И когда грянула грозная опасность для страны, металл и разумные машины, уголь и урожаи были двинуты в битву за честь, свободу и независимость родины. Миллионы самоотверженных стахановцев из нового пополнения рабочего класса выросли у нас в годы войны. Старики показывали им пример в труде. Звание стахановца военного времени стало званием, равнозначным званию воина.

Вот что было в Ельне в первые месяцы после вторжения гитлеровских орд на нашу землю. Немцы нашли старейшего рабочего Иосифа Ивановича Акатенкова, оставшегося охранять сложный аппарат.

— Стахановец? — спросил немецкий офицер.
— Стахановец, — ответил рабочий.

Акатенкова увели в немецкий штаб и там замучили. Враг знал, что стахановец — это боец. Страстный, беспощадный и твёрдый. Он знал, что стахановец в тылу крепит мощь фронта, создаёт могучие средства сокрушения и уничтожения фашистской нечисти. И враг боялся стахановцев, людей целеустремлённого труда, которые были так же твёрды в битвах за родину, как бойцы.

Миллионы людей в нашей стране будут с честью носить медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Это стахановцы, питомцы Сталина.

— Право, я не знаю, почему это движение называют стахановским походом, — говорил смущённый Алексей Стаханов на Первом всесоюзном совещании стахановцев. — Любимый вождь нашей партии и народов Советского Союза товарищ Сталин и руководимая им партия большевиков были вдохновителями наших побед. Ему, великому Сталину, все мы обязаны счастливой жизнью нашей страны, радостями и славой нашей прекрасной родины. Для него, для большевистской партии, для любимой родины мы готовы отдать всю нашу жизнь до конца.

Десять лет назад, в первый год стахановского движения, произнёс Алексей Стаханов эти слова. Каждый день и каждый час прошедшего десятилетия подтверждали, что донецкий забойщик, рядовой скромный советский человек, говорил именем народа!

А. ЛИТВАК

ЖЕНА СТАРШИНЫ

Евг. Босняцкий, И. Рахтанов

Рассказ

Рисунок В. Высоцкого

Недели две после того, как Никите Верстину приспособили протез, он учился ходить. «Учусь, — говорил он себе, — привыкая чувствовать землю...» Прежде он даже в тёмную ночь легко определял, по какой дороге идёт. Дороги были специальностью Верстина. Какие они бывают? Щебенные, булыжные, клинкерные, асфальтовые, гудронные, а в Ленинграде, говорят, покрытия производили даже из деревянных торцов. Брёвна пилили и, наподобие кафеля, укладывали на цементную постель. Беззвучная дорога. Такие бы для разведчиков. Военной специальностью Никиты Верстина была разведка.

Он учился ходить на просёлке. Когда впервые вышел из госпиталя, вздохнул особенно, и махорка тогда показала удивительно вкусной. Ветер понёс дымок в сторону леса, и Никита долго следил за ним и попробовал выпустить густое кольцо.

В этот же первый день он добрёл до базара, торговал брюки на выпуск. «Опять мы в гражданском, — подумал Никита, — и никто теперь не будет расспрашивать. У военного, да ещё если он хромает, любая старуха имеет право спросить, как и что и где ранили». Недолюбливал Никита Верстин такой уличной чуткости, совсем ни к чему она.

Отвоевался Никита Верстин, скоро отправится домой. Ехать придётся долго, госпиталь был в глубоком тылу.

Из этого края он ехал через пустыню. Сильный ветер шевелил

его короткие усы. Никита часто выходил в тамбур, отворял дверь, садился и высовывал ногу вперёд, на волю. Нога под протезом была онемевшей, до самого колена ничего не чувствовала. Но Никита твёрдо положил себе — привыкать. Даже на ночь не снимал протез, пусть прирастёт!

В вагоне всегда пели. Днём громче, ночью — потише. Никита Верстин лежал, отвернувшись к стене, и слегка подпевал, но в разговорах не участвовал. Он привык ездить на самом верху, там теплее. Но тут ему уступили нижнюю полку, чтобы раненому было удобнее. Ему же совсем не хотелось считаться раненым: у него была молодая жена.

Ну, и жена у него была!

Если бы кто-нибудь в вагоне догадался начать с ним разговор о жене! Всю свою задумчивость Никита Верстин променял бы с удовольствием на такой сердечный разговор. Он сказал бы товарищу:

— Совсем не хозяйка она у меня. Всё на мне держится. Но это любви не помеха! Она у меня жизни обучается, курс проходит. Она мне и в руки и в рот глядит. Она меня выше всех держит.

Жестокая тревога томила Никиту Верстину. В его родном городе побывали немцы. Недолго, только три месяца, держались они там. Но он-то ведь знал, он-то ведь сам видел, как они воюют на российской земле. Он всю Украину прошёл и в Белоруссии сражался, до самой Польши их про-

водил. Он их бил, себя не щадил... А немцы молодые бывают...

Не его, конечно, Вареньку на такой каляч ловить!

А вдруг...

Вот это «а вдруг» и сделало его задумчивым, это «а вдруг» началось в 1941 году, когда немцы были под Москвой и заняли его город. Никита Верстин воевал тогда в южной стороне, у Чёрного курортного моря. Знал он это море и прежде, но никогда не любился так, как на войне, волнами и величиной. Немцев с его родины прогнали, но письма... Письма жена стала писать иные, какой-то в них самостоятельный дух появился.

От станции до города было шестнадцать километров. Никита Верстин хотел пойти пешком: «Вот пройду и не захромаю...» Но вовремя одумался. Влез в кузов грузовика, поклонился знакомой девушке с телефонной станции: да, мол, вот домой еду... Много разговаривать не стал.

Он присматривался к дороге. При нём её строили. А кое-где, на четырёх или пяти участках, и его работа была. Он легко различал пятна свежих покрытий, догадывался, где след снаряда, где танки проломали шоссе, где оно просто износилось. Но смотрел он без интереса, больше по привычке. Даже родные места его не трогали. Хотя и ветер дышал здесь знакомыми запахами тех лесов, куда хаживал он по грибы, и река появлялась там, где её ждёт глаз, но душа Никиты Верстина была очень беспокойна.

Приближался разговор с женой. Тот самый, о котором каждый боец думает. Он готовит этот разговор и забывает о нём в бою, а потом в темноте ночи, когда вернётся в шинель и плащ-палатку, этот разговор снова возвращается к нему.

Машина остановилась, не доезжая до города. Шофёр тоже, видать, демобилизованный, собирая деньги, обошёл Никиту. Хмуро глянул и не спросил ничего. Люди стали перелезать через борта, разгружать машину. Никита Верстин неловко соскользнул, задралась штанина, и многие увидели его протез; он выругался.

— Эй, гражданка! — крикнул он какой-то маленькой, чистенькой старушке. — Подайте моё барахлишко!

И вдруг Никита увидел, что эта старушка, которая всю дорогу от станции сидела вплотную с ним, — его теща. То, что он её не заметил, ладно: было не до неё. Но как она-то не узнала? Неужели так постарел?

Она стала перелезать, неуверенно поставила ногу на колесо. Никита принял её лёгонькое тельце, опустил и повернул к себе.

— Ну, мамаша, кого вы видите перед собой?

Старушка отпрянула и, как показало Никите, с испугом проговорила:

— Никита!..

Затем, овладев собой, она крикнула радостно и звонко:

— Никита Фёдорович! Как же это, откуда?

— С того свету, — ответил Никита сдержанно.

Он разговаривал, прислонившись к забору, и чувствовал, что нога не слушается: идти он не сможет. Медленно оглядел он эту окраинную улицу, тоже, конечно, знакомую, как и весь город. Отметил, что тут всё без особых перемен.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Александр Жаров

РАНЬШЕ ВСЕХ

Первый солнечный румянец,
Свет, скользящий по волне,
Видит тихоокеанец
Раньше всех во всей стране.

Раньше всех за флотским чаем
Слышит утра первый смех.
Чайку белую встречает
В тихом небе раньше всех.

Чайка резвая играет,
Машет ласково крылом.
Краснофлотец прибирает
Свой большой пловучий дом.

Труд военный — труд немалый:
Дом проверь, себя проверь!..
Тут у нас хлопот, пожалуй,
Больше, чем у всех, теперь.

От Москвы родной далеке,
С твёрдой верою в успех
Грозный ветер нынче встречен
В океане раньше всех!
Тихоокеанский флот.

СЕРГЕЙ ЛАЗО

Долина Сучана, волна океана
Друг другу весенней порой
О славных делах вожака-партизана,
Чьё имя
Звучало в тайге, как набат.

Высокое солнце ласкало
И таяли дружно на сопках
По слову Лазо поднимались
С приморских высот
Выбивали врага.

Вожак партизанский, пленённый
Сказал им:
— Пытайте, сжигайте в огне —
Не сломит ни пытка, ни жаркое
Могучую верность родимой стране...

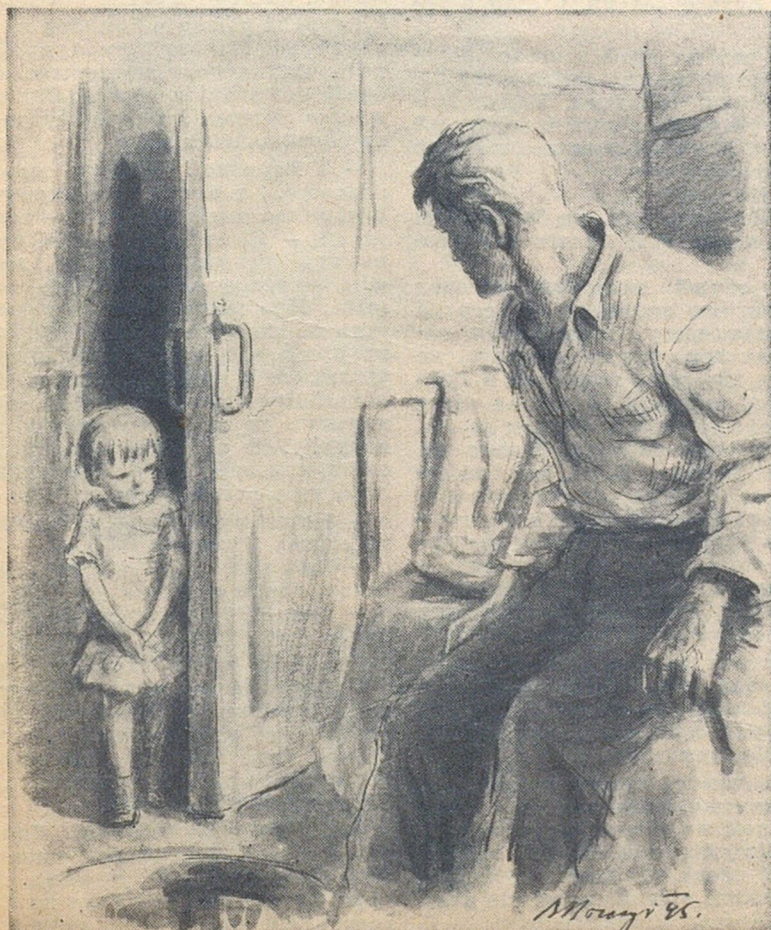
Бессмертное имя Лазо-партизана
Для нас и сегодня
Звучит, как набат.
Долина Сучана, волна океана,
Таёжные сопки о нём говорят.

Все пассажиры уже разошлись,
и машина отъехала. Надо было идти.

— Ах, Никита Фёдорович, — сказала старушка, покачивая головой, — как же вы с лица всё-таки переменились. Ну, это с дороги. Бог даст, поправим. Варенька-то у меня...

— Не надо, мамаша, — резко перебил старушку Никита. — Я и в кино не терплю, когда кто рассказывает наперёд, а в этих делах — тем более. Дайте-ка вашу корзину!

Он сделал несколько шагов, и старуха, видно, заметила, что с ногой у него не всё в порядке.

Дверь открылась, и трёхлетняя девочка шагнула в комнату.

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА

М. Ю. Лермонтов в студенческие годы.

Худ. П. Заболотский

До сих пор поэма «Хаджи-Абрек», помещённая в журнале «Библиотека для чтения» в 1835 году, считалась первым опубликованным произведением Лермонтова. Однако недавно проф. Н. Бродский установил, что первым произведением Лермонтова, появившимся в печати, является стихотворение «Весна», помещённое в журнале «Атеней» в 1830 году (№№ 19-20-21) и подписанное французской буквой «L». Экземпляр журнала экспонируется на лермонтовской выставке в Литературном музее.

Приводим это неизвестное стихотворение Лермонтова, не вошедшее ни в одно из собраний сочинений поэта.

ВЕСНА

Когда весной разбитый лёд
Рекой взволнованной идёт,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля;
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей.
Гляжу — природа молодеет;
Но молодеть лишь только ей!
Ланит спокойных пламень алый
С годами время уведёт,
И тот, кто так страдал бывало,
Любви к ней в сердце
не найдёт.

— Натёрли ногу? — спросила она с участливостью.

Было так жарко, что рука, на которую он повесил шинель, вспотела. Невольно он опустил на землю и свой деревянный чемодан и старухину корзинку. Он собрался ответить ей что-то, вздохнул для этого, как вдруг сзади гакнул автосигнал, легковая машина со скрипом затормозила, из неё выскочил мужчина лет тридцати и потащил Никиту вместе с тёщей и вещами.

— Садитесь, устраивайся, товарищ Верстин! — весело сказал он. — Узнал! Трудно тебя с усами распознать, а я не ошибся: издадека сообразил, — возвращается на родину солдат. После зайди ко мне. Я в МТС, директором. Заходи с женой.

Он ещё что-то говорил, но Никита не слушал. Началась их улица. Вот уже и зелёные ворота. Один столб ворот был некрашеным.

В полутёмных сенях Варя чуть не сбила его с ног. Кинулась, повисла на шес, поцеловала, не разбирая куда, несколько раз, что-то шепнула и убежала во двор. Никита не пошёл за женой. Широко растворил он двери, медленно прошёл в залу. Запах свежесмытых полов, и тиканье будильника, и яркобелые рамы окон — покой, покой, докой — вот что здесь было.

Сразу же бросился в глаза большой фотографический портрет на самом видном месте, между окон: сам Никита Верстин, как снялся перед уходом на войну. Он снимался для удостоверения, на крохотной карточке, а тут был большой портрет. Не очень похож, подрисован, однако приятно.

Только теперь сообразил Никита, что она ему шепнула в сенях: есть горячая вода, всё готово, по-

мойся. А ведь сказала так, будто ласковые, любовные слова.

— Эх ты — коза в сарафане! — воскликнул Никита, сдерживая улыбку, и быстро скинул гимнастёрку.

В зале появилось корыто на табуретах. Рядом на разостланной мешковине — три ведра. Из двух валил пар. На стуле висело полотенце.

Весело было уже большей части груди. Только маленький, новорожденный кусочек ещё держался возле сердца. Никита взял мочалку, крепко натёр её мылом. Холодной воды он в корыто не наливал, мылся одной горячей. С интересом поглядывал он на свои руки. В комнате они выглядели не так, как на войне.

Со всей силы зажмурил Никита глаза и тёр лицо мылом так же рьяно, как волосатую грудь. Он слышал, как летают мухи и как шипит мыльная пена: звуки были маленькие, гражданские.

Никита нащупал, не открывая глаз, ведро с холодной водой, опустил на колени и сунул в него голову, ополоснул всё сразу.

— Ещё воды, Варя! — крикнул он; ему понравился собственный голос: по-хозяйски крикнул.

— Иду, — ответила она откуда-то издали.

Понравилось Никите и то, что она не зашла: руки в дверях обменяли ведра, и он опять мылся. Пришлось, конечно, и протез снять; ноги он мыл торопливо. «Узнает, всё равно сказать придётся, но не сразу...»

Когда он вытирался, то опять приотворилась дверь, он увидел, как сквозь щель просунулась рука жены и повесила на гвоздь расправленный на плечиках синий, совершенно новый костюм.

Рука сейчас же выскользнула, и дверь хлопнула мягко.

— Ну, старшина, ничего не поделаешь, — сказал себе с удовольствием Никита, — давай, начальник, будь счастлив, влезай в новое!

Он сел на край постели, натянул брюки и стал любоваться наглаженной складкой. Вдруг Никита услышал варин торопливый шопот, шаги детских ног в сенях и детский голос:

— Не хочу!

— Ну, иди, иди, не бойся. Там твой папка. Как твоего папу зовут?

Тот самый запасный кусочек горечи, что держался у сердца Никиты, сразу расширился, заполнил всю грудь. Никита, не дыша, вцепился пальцами в край одеяла, слабость завладела им и пустила по всем мускулам дрожь. Со страхом смотрел Никита на дверь. Молчал. Ждал, как она откроется, а когда дверь открылась и трёхлетняя девочка в батистовом с кружевом платьице шагнула в комнату, он стал сползать с кровати и не смог остановиться, всё полз, протяжно падал, пока не потемнело в глазах...

Очнулся он очень скоро. Варя прискакала ему в лицо водой. Он медленным движением утёрся локтевым сгибом и хмуро сказал: — Ну, довольно!

Она что-то быстро заговорила, но Никита сознательно не слушал её, а тем же тоном продолжал:

— Поддай-ка протез! Что, неприятный предмет? Моя амуниция! Чем водой прыскать, лучше дала бы человеку стопку водки.

Насчёт девочки он помнил. Он теперь складывал в голове слова,

готовил порцию на славу! Драться он не станет. Он не зря сорок два года прожил. Он-то уж всё заранее предположил, приготовился.

Шарящим взглядом он обвёл комнату:

— Куда немку спрятала? Что значит «какую немку»? Такую самую, в батистах. Батистами и костюмом купить захотела! Эх, Варя, Варя!.. Да ты чего расплылась? Ты плакать обязана. В ногах у мужа валяться. Вот, если хочешь знать, как прощенья на Руси просят...

Никогда после Никита не мог простить себе этих слов. Никогда в жизни не был он глупее... И как легко она его осадил.

Просто вышла из комнаты, оставила одного. Прежде такого не бывало.

— Загадки строишь! — крикнул он ей вслед.

И выдохся.

Минуту спустя он позвал:

— Варя!

Она не ответила.

И сразу нахлынула горячая жалость и к самому себе и к молодой женщине, которую он так любил. Поднявшись на локте, он увидел через окно, что на брёвнышке сидит тёща.

— Что же вы, мамаша, не заходите?

Но он так сказал, что старушка его не услышала.

— Мама, — раздался откуда-то голос Вари, — вас Никита зовёт. Расскажите ему, мама...

Никита поставил второй локоть на подоконник, прислушался.

— Говорила я тебе, Варя, надо всё писать... — сказала тёща.

— Пойдите, мама, объясните ему, — в голосе Вари слышались слёзы.

— Прав, прав, старшина, — бодрил себя Никита, но уже понял: в чём-то ошибся. — У виноватой иная повадка, — неожиданно он поймал себя на том, что любит жену: как она плечом повела!

Старуха вошла в комнату и, не глядя на Никиту, стала прибирать. Слила воду из корыта, собрала его старую одежду. Она говорила ровным голосом, будто и не обращалась к нему:

— У Вари мой характер, только послабее, а кое в чём крепче. Вот, взяла дитё. Как так? — говори ей. — Не спросясь мужа, принимать чужую душу в дом? «Он, — говорит, — добрый, добрый... Про меня люди тоже плохого не скажут». А я в том добра не вижу, чтобы всю свою жизнь рушить и с мужем в первый же день... Прости ты её, Никита Фёдорович, не по злобе она. А девочку? Так её советская власть опять приберёт. Ты с войны усталый, тебе покой дорог...

— Не пойму что-то, — почти робко сказал Никита.

— Да что понимать-то? Как взяли, так и отдадим.

— Значит, девочка-то приёмная?

Старушка всплеснула руками: — Варя, да войди сюда, что же ты, доченька, с человеком делаешь? Ребёнка третью неделю учишь: папа приедет, папа приедет, а папа про то и не даёт, что ты младенца приютила.

— А, может, — сказала Варя, входя и хитро улыбаясь, — попытаться хотела: какой у меня супруг, — год жила, три года не виделась. Он тоже не обо всём писал! — и она откровенно посмотрела на его ногу.

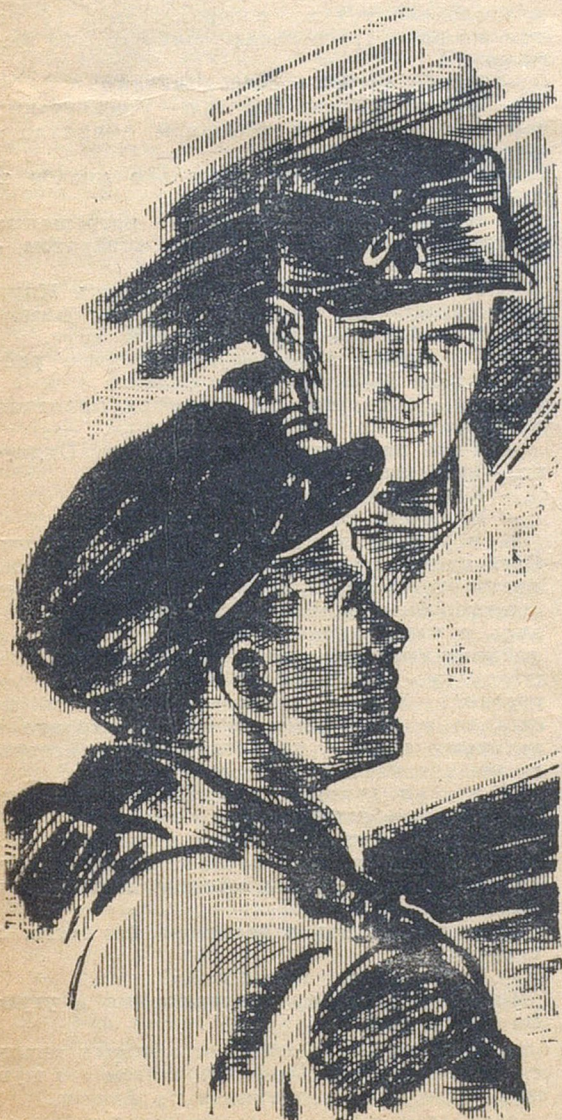
Повесть Н. Шпанова

Рисунки А. Шульца

1. КНУД АНСЕН И ДРУГИЕ

Начать я должен с того, что Кручинин и ваш покорный слуга совершали путешествие через горы, мощный кряж которых пересекал один из самых северных полуостровов Европы. Мы шли уже двое суток, и отправной точкой рассказа можно взять хотя бы последнее утро, заставшее нас в горах.

Наш проводник Кнуд — большой, тяжёлый парень с открытым лицом и длинными, зачёсанными назад прядями огненных волос.

Осветив фасад карманным фонарём, я увидел вывеску «Гранд-отель».

Лицо его так обветрено, что кожа кажется покрытой тонким слоем блестящего красного металла. Глаза у него голубые, чуть-чуть более живые, чем нужно, чтобы внушать доверие.

При моём пробуждении Кнуд сосредоточенно глядел на чёрную поверхность кофе, лова момент, когда жидкость захочет перелиться через край котелка. Затем, кивнув в сторону спящего Кручинина, он вдруг спросил:

— Что ж он спит? Кофе остынет... а спиртовка — пустая.

При этих словах капюшон, закрывавший лицо моего друга, откинулся и Кручинин весело крикнул:

— Чтобы я прозевал кофе?! Такого случая ещё не было.

Через десять минут кофе и полужамёрзшие галеты были уничтожены до дна.

Мы быстро собрались и тронулись дальше. Начинаясь трудный спуск к западному подножию хребта, навстречу морю.

К вечеру, когда было уже почти темно, миновав два селера и остатки деревушки, сожжённой карательной экспедицией СС, мы достигли берегового шоссе. Оно было всё исковырено минными лунками, но вело прямо к цели путешествия — одному из наиболее северных городков полуострова...

Кнуд остановился около небольшого двухэтажного дома и уверенно постучал. Осветив фасад карманным фонарём, я увидел вывеску: «Гранд-отель». Хотя город и пострадал от владычества немцев, но не настолько, чтобы утратить то, без чего не может существовать ни один уважающий себя город в этой стране, — свой «Гранд-отель», такую же неприменную принадлежность города, как почта, церковь и дом фогта.

Переговоры у двери гостиницы были коротки. Мы предъявили наши паспорта со всеми необходимыми визами и через минуту очутились в крошечном холле. Хозяин — высокий человек с небритыми щеками — улыбался и неспеша выкладывал приветствия вперемежку с местными новостями. Навстречу нам, на ходу повязывая фартук, спешила хозяйка.

— Это русские! — радостно крикнул ей хозяин.

Она отбросила неладившийся фартук, всплеснула руками и, наклонив голову, молча глядела то на Кручинина, то на меня. Затем крикнула в гулкую пустоту необитаемой гостиницы:

— Эда, комнаты для гостей! — и обернувшись к нам: — Может быть, поужинаете?

— Прежде всего спать, — ответил Кручинин, — потом опять спать. А ужинать — это уже завтра утром.

Хозяин рассмеялся.

— Да, да, неблизкий путь! — согласился он. — После такого похода лучше всего выпиться. И всё-таки... по рюмочке аквавите. Той, настоящей, которой у нас не было при гуннах! — он хитро подмигнул: — Мы сразу смекнули: нужно прятать подальше то, что хочешь сохранить для себя. У гуннов слишком широкие глотки.

Невзирая на наши протесты, хозяин потащил нас в столовую. Он извлёк из какого-то тайника бутылку анисовой и налил три рюмки. Кручинин выпил и с удовольствием крякнул.

— От этого действительно не стоило отказываться, — сказал он и в свою очередь подмигнул хозяину, словно они были в заговоре.

Хозяин радостно улыбнулся и дружески похлопал Кручинина по спине.

По второй он нам, однако, не налил, а повёл к спальням. И, прежде чем мы до них дошли, сильный стук потряс входную дверь. Судя по радостным приветствиям, которыми хозяин обменивался со вновь прибывшим, они были в самых дружеских отношениях.

Гость оказался шкипером и хозяином единственного уцелевшего на всём рейде рыболовного моторно-парусного бота «Анна». Шкипер пришёл, прослышав о нашем приезде. Весть об этом успела уже каким-то образом облететь добрую половину городка.

Появление шкипера было более чем кстати. Не явись он, Кручинину и мне пришлось бы завтра его искать. В план нашего

путешествия входила поездка на острова-рыболовецкое Эльдорадо страны. Там мы могли получить ключ к таинственному исчезновению одного интересующего советские власти немецкого агента. Уехать из страны он ещё не мог. Но исчезновение его было столь бесследно, что поставило втупик розыскной аппарат.

Шкипер Хьяльмар Хеккерт, широкоплечий, коренастый весельчак со светлоголубыми

ми, словно выцветшими глазами, добродушно глядел из-под широкого облупленного козырька потрёпанной фуражки. Вокруг его глаз, на щеках, у рта собралась сеть морщин, делавших лицо таким, будто с него не сходила улыбка. Глядя на Хеккерта, трудно было поверить, что ему уже за шестьдесят. Бодрость и жизненная сила исходили ото всей его фигуры.

Признаюсь, на меня Хеккерт сразу произвёл чарующее впечатление. По глазам Кручинина я заметил, что и ему шкипер пришёлся по душе. Через несколько минут Кручинин, забыв про постель, о которой только что мечтал, запросто, словно был знаком со шкипером тысячу лет, потащил его в угол гостиной.

Дружеская беседа была в самом разгаре, когда в дверь гостиной снова постучали. На этот раз стук был отрывистый и какой-то особенно чёткий, акуратный.

— Это Видкун! — весело крикнул шкипер. — Эдак стучит он один.

По лицам хозяев можно было заключить, что и этот гость был желанным. Хозяин ещё возился с замком, а хозяйка уже поспешила поставить на стол ещё одну рюмку.

Вновь прибывших оказалось двое. Один из них — Видкун Хеккерт, старший брат шкипера, был кассиром местного ломбарда, другой — местным пастором.

Видкун Хеккерт был очень похож на шкипера, но в глазах его отсутствовало веселье Хьяльмара; они глядели строго, даже сурово. Встретившись с ними, я сразу понял, что секрет молодости шкипера — его глаза. В возрасте Видкуна уже нельзя было ошибиться. При небольшой разнице в годах Видкун по сравнению с младшим братом выглядел стариком.

Пристально вглядываясь в лица, Видкун молча пожал нам руки. Сделал он это неспеша, очень обстоятельно и долго держал в своей шершавой холодной руке руку каждого из нас.

В противоположность ему пастор обошёл присутствующих быстро; крепким, отрывистым пожатием приветствовал каждого, весело кивая при этом большою головою. Пастор не был местным уроженцем. От наших хозяев мы узнали, что во время пребывания здесь немецких войск он вынужден был скрываться под чужим именем, чтобы спастись от преследования гестапо, которое не преминуло бы его схватить и водворить обратно в концентрационный лагерь в Германии, откуда ему удалось бежать перед самой войной. Через полчаса мы уже знали политические физиономии всех присутствующих и в том числе Видкуна Хеккерта. Именуя себя чуть ли не «потомственным последователем демократических традиций Запада», он был менее всего склонен защищать эти традиции. Его «демократизм» не помешал ему отлично ладить с немцами, при которых он продолжал занимать доставшуюся ему после отца должность кассира местного ломбарда. Он утверждал, что вынужден был склониться перед силой; борьба с нею была бы, по его словам, напрасна и привела бы только к бесцельным жертвам.

Всё в этом старике было ясно Кручинину и мне. После того как общительный Хьяльмар изложил историю своего брата и пастора и сообщил им в свою очередь всё, что успел узнать о нас, он поделился с Видкуном планом доставки нас на острова. Ни он, ни кто-либо другой здесь не могли подозревать истинной цели этой поездки. Все они считали её данью прстой любознательности. К туристам тут привыкли, и желание русских посетить острова не могло вызвать удивления.

К стыду моему, только тут, когда все были уже хорошо знакомы друг с другом и план завтрашней поездки выработан, я заметил, что среди присутствующих нет рыжего проводника Кнуда Ансена. Как мы могли забыть о человеке, который привёл нас сюда! Я тотчас спросил о нём хозяина.

— Вас привёл молодой Ансен? — удивлённо и с оттенком недовольства спросил старший Хеккерт. От меня не укрылось, что при этом он многозначительно переглянулся с пастором и даже, кажется, подозрительно оглядел нас, словно мы утратили в его глазах доверие.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

— Почему это вас удивляет? — спросил я.

— Удивляет? — Видкун пожал плечами. — Там, где речь идёт об этом парне, ничто не может удивить... Впрочем, после того что мы видели при гуннах, для нас, вероятно, не существует уже ничего удивительного.

— Тем не менее вы... — начал было я.

— Я объясню вам, что хотел сказать брат, — вмешался шкипер. — Молодой Ансен не пользуется у нас хорошей репутацией.

— Вот как?

— Бродяга и бездельник, — пробормотал Видкун. — До войны он не работал а всё вертелся около богатых туристов, прислуживая им. Я не тороплюсь подавать ему руку.

Шкипер хотел что-то сказать, но, увидев входящую хозяйку, многозначительно умолк и, уловив минуту, шепнул мне:

— Кнуд — племянник нашей хозяйки.

— Худшее, что может быть в таком деле, —

потерять надежду на возвращение заблудшей овцы к пути, предуказанному всевышним, — негромко произнёс пастор.

В комнату вошла хозяйка с горячим громом. Следом за нею шёл Кнуд.

Хозяйка поставила на стол напиток и опустила фартук, которым держала горячий кувшин. При этом что-то выскользнуло из кармана фартука и со стуком упало на пол. Она поспешно подняла упавший предмет и, протянув его племяннику, с интересом, смешанным с беспокойством, спросила:

— Что это?

В её руке был кастет. Хромированные кольца ярко блеснули.

— Где ты взяла? — спросил хозяин и протянул было руку к кастету, но Кнуд опередил его и нетерпеливо вырвал у тётки оружие.

— Когда я опускала ужин в карман куртки Кнуда, этот предмет был там. Я вынула его, чтобы посмотреть. Никогда не видела такой штуки. Что это такое? — повторила она вопрос племяннику.

Взоры всех присутствующих с любопытством обратились к Кнуду и к блеснувшему у него в руке кастету.

— Зачем это у тебя? — с беспокойством спросила хозяйка у племянника. — Ты нашёл это, ты только сейчас нашёл это, правда?

Как будто она хотела убедить остальных в том, что её племянник не мог получить эту штуку от немцев.

— Да... только сейчас.

— Конечно, — сказал пастор. Подумав, кивнул и повторил: — Конечно.

Кнуд посмотрел на него с благодарностью. Он видел, что остальные ему не верят.

А пастор, словно задавшись целью выручить его из затруднительного положения, взял кастет из рук Кнуда и, внимательно рассматривая его, сказал:

— Да, да, немецкая штучка. До их прихода здесь, наверно, не водилось таких вещей. Они были тут ненужны. Не правда ли? А помните? — он обернулся к продолжавшему сурово молчать Видкуну. — Помните, когда они впервые пустили их в ход?

В знак того, что помнит, кассир молча опустил тяжёлую голову. Пастор пояснил нам:

— Когда гунны пришли сюда, жители, естественно, хотели спасти от них свои ценности. Они пошли к ломбарду, чтобы выкупить свои заклады. Целый приход собрался тогда у дверей ломбарда. Длинная очередь людей — мужчины и женщины. Может быть, первая очередь, какую здесь видели. Много раньше, чем они стали обычными у мясных лавок и булочных. Люди хотели спасти своё достояние. Но ломбард уже не возвращал вкладов. Гунны наложили на них лапу. Видкун Хеккерт сидел в своём окошечке и вместо часов, цепочек и колец выдавал людям отпечатанную гуннами прокламацию. А когда толпа, к которой присоединились уже люди со всей округи, стала рвать прокламации и угрожала силою взять своё, на сцене появились молодчики, купленные немцами. Вот тогда-то здешние люди и узнали впервые, что такое кастет. Помните?

— Как вы думаете, — спросил его пастор, — удалось гуннам увезти то, что они награбили в вашем ломбарде?

Видкун в сомнении покачал головой:

— Этого я не знаю.

Видкун поднялся, пристально поглядел на Кнуда и, резко отвернувшись, пошёл к выходу. Какая-то тяжёлая струя мрачного недоверия и уныния тянулась за его большой сутулой фигурой. Слово холодное дыхание подозрения растекалось по комнате. Яркий свет лампы перестал мне казаться уютным и ласковым и лица в нём стали казаться зеленовато-бледными, точно обрели вдруг прозрачность мертвецов.

2. УБИЙСТВО НА «АННЕ»

Мы ещё сидели за завтраком, когда в гостиницу явился Кнуд Ансен. Он был прислан шкипером, чтобы показать нам дорогу к пристани и доставить на «Анну» продукты, приготовленные хозяином гостиницы для нашего путешествия.

— Снова решили стать моряком? — спросил я Кнуда.

Ансен беззаботно рассмеялся:

— Да, нанялся матросом на «Анну».

Трудно было совместить то, что вчера о нём говорилось, с ясным и, я бы сказал, чистым образом проводника. Но, с другой стороны, трудно предположить, чтобы все его знакомые и родственники ошибались. Я не мог найти объяснения этому странному психологическому явлению. Кручинин же, как мне казалось, не задумывался над такими незначительными пустяками и продолжал с хозяйкой беседу о местных песнях, которые его очень заинтересовали. Он даже заставил немолодую женщину пропеть нам надтреснутым голосом две или три народных песни.

Кручинин спросил у Кнуда: не знает ли он каких-нибудь песен? Великан на минуту сдвинул брови, соображая, повидимому, что лучше всего спеть, и запел неожиданно чистым и лёгким, как звон горной реки, баритоном. Он пел о море, о горах, о девушках.

— Вы любите песни? — спросил он, окончив.

— Да, — сказал Кручинин. — Я люблю песни и... собираю их везде, где бываю.

При этом неожиданном заявлении я с трудом удержал выражение удивления, готовое появиться на моём лице. Я впервые слышал, что мой друг является любителем и собирателем фольклора.

— Наш пастор тоже собирает песни и сказания, — сказал хозяин. — Он даже записывает их на эдакий аппарат. Я забыл, как он называется.

— Он здесь, — сказала хозяйка. — Я его спрятала. Думала: может быть, и из-за него могут быть неприятности.

— Неси-ка, неси его! Пускай гости посмотрят, — сказал хозяин.

Через десять минут перед нами стоял фонограф вполне современной конструкции с приделанным к нему футляром для запасных дисков. Запись велась на целлюлоид или похожий на него прозрачный материал и позволяла тут же воспроизводить её на том же аппарате переключением одного рычажка.

— Умная штука, — сказал хозяин.

— Наверно, очень дорогая, — уважительно заметила хозяйка и фартуком смахнула с футляра пыль.

Кручинин поставил несколько дисков и внимательно прослушал.

— Нужно будет попросить разрешения пастора воспользоваться этим аппаратом, — сказал он.

— Сейчас вы его увидите, — сказал Кнуд Кручинину, — он, наверно, уже на «Анне».

— На «Анне»? — удивился мой друг.

— Он решил воспользоваться этим рейсом, чтобы побывать на островах.

— Ах, вот что! Подбирается приятная компания.

— Если не считать проклятого Видкуна, — пробормотал Кнуд.

— Как, и кассир тоже?

— Кажется, да.

К пристани мы шли тихими улицами. Стук наших подкованных ботинок о гранит мостовых чётко разносился между тесно сошедшимися домами. Встречные здоровались с нами приветливо, словно мы были давнишними друзьями. Может быть, действительно, весь городок уже знал, что мы русские? И это радушие относилось не столько к случайным туристам, сколько к великому народу, представителями которого мы тут невольны оказались.

Я издали заметил у пристани приземистый зелёно-белый корпус «Анны».

На борту нас уже ждали шкипер и пастор. Кассир, заложив руки за спину и ссутулив плечи, медленно прохаживаясь вдоль пристани.

Увидев, что мы отваливаем без него, я спросил:

— Разве вы не едете с нами?

Он скорчил гримасу отвращения и угрюмо пробормотал:

— Есть на свете люди, от которых хочется держаться подальше, — при этом его мутные, злые глаза уставились на Ансена.

Море было спокойно. «Анна» бойко прокладывала себе путь, расталкивая крутыми

(Продолжение на стр. 14).

НОВЫЕ СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

Из путевого блокнота

В. Беляев

Фото А. Устинова

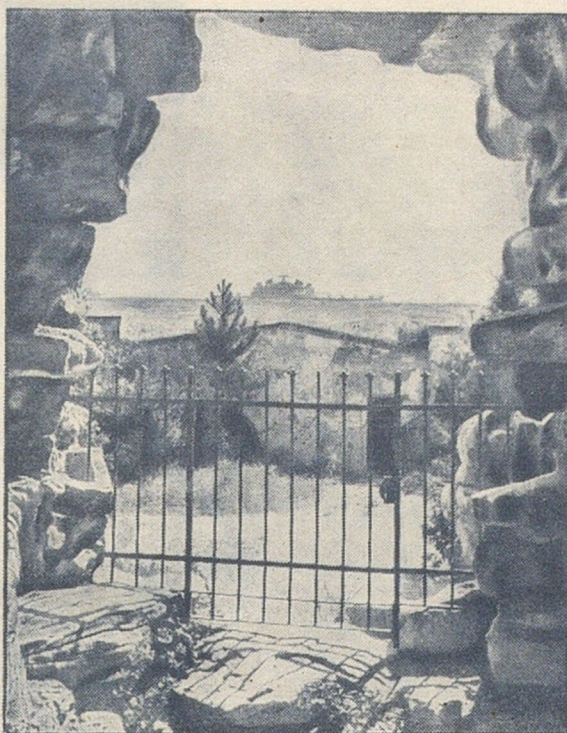
2. ПО СЛЕДАМ «БОЛЬШОГО ВАЛЬСА»

...Шенбрун. Тот самый Шенбрун, который видели мы в «Большом вальсе» Жана Дювивье. Австрийский император выводит за руку престарелого Иоганна Штрауса на балкон своей летней резиденции. Ликующая и поющая внизу толпа легкомысленных венцев приветствует любимого композитора...
...Как далёк этот идиллический «хеппи-энд» (счастливый финал) популярнейшей американской ленты от нынешней, довольно грустной действительности послевоенной Вены!

На дороге, ведущей к Шенбруну, против технического музея, до сих пор стоят, раскрячавшись на широко раздвинутых лафетах, две немецкие зенитные пушки. Они пятнистые — жёлто-зелёные от грязного камуфляжа, как и всё немецкое. Их стволы задранны под прямым углом в жаркое и колеблемое от зноя июльское небо. Два малыша карабкаются наверх по станине пушки, сляк перелезть с неё на растущий рядом каштан. Отличный сюжет для художника, который бы вздумал запечатлеть на своём холсте штрихи жизни послевоенной австрийской столицы. Но мрачные, чёрные кольца на одном из пушечных стволов отрывают нас от чисто созерцательных настроений. Их восемь — по числу сбитых батарей самолётов. Эта разбитая пушка, отдыхающая сейчас на улице, идущей к Шенбруну, сбивала английские «либерейторы» и американские «летающие крепости» во время их налётов на Вену. Восемь сбитых самолётов. Всем ли членам экипажей удалось спастись? Вряд ли. Это город. Возможно, падающих вниз парашютистов расстреливали из автоматов пьяные эсэсовцы. Был, говорят, и такой «спорт» в Вене. Сейчас американские и английские вдовы, матери, отцы, потерявшие своих близких по вине этих орудий, могут подсчитать, во что обошлось лично им попустительство аншлюсу в 1938 году, — ведь только это попустительство привело современем к превращению музыкальной Вены в плацдарм военных действий немцев, направленных и против американских и английских граждан.

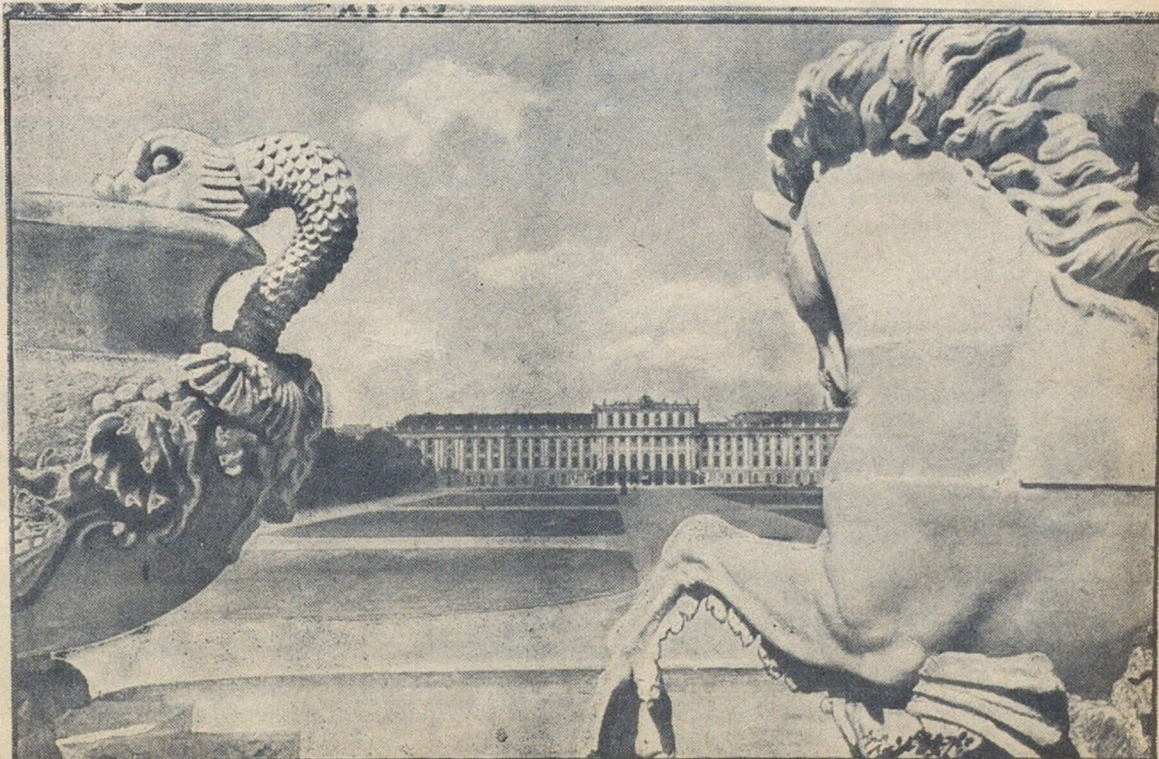
Левая сторона фасада летней императорской резиденции в Шенбруне повреждена бомбой. Взрывом вырван кусок верхнего этажа, жёлтый дворец стоит как бы ослепший: многие его окна забиты фанерой. В дворцовом парке удивительно ровно подстриженные деревья. Зелень обрамляет аллеи стеной. Почтенные фрау возят в белых колясочках малышей. Другие австрийки вяжут, сидя на тех самых скамейках, на которых, быть может, сидели ещё их бабушки и дедушки в эпоху рождения вальсов Штрауса. Пронесётся по гравии аллей на велосипедах мужчины и юноши в коротких и замусоленных замшевых «шортах» — своеобразных кожаных трусиках. Селезень с подрезанными крыльями бесшумно плавает по чистой воде фонтанного бассейна на перекрёстке центральных аллей. Стая золотых рыбок скользит рядом с ним в водоёме между замшелых подводных камней. И птица и рыба, должно быть, голодны, но никто их не кормит, как до войны. Весь парк наполнен тоном птичьих голосов. Это звенящее беззаботное пение снова успокаивает, возвращает к мысли, что, собственно говоря, ничего не произошло. Однако худоба на лицах мужчин и женщин, которых вы встречаете, и какая-то удивительная усталость в их глазах неотвязно напоминают вам о времени, которое они пережили при немцах.

Скамеечка у ворот зоологического сада. Поджидаем отставших лётчиков, с которыми вместе приехали сегодня в Шенбрун. К нам подсаживается опрятно одетая женщина лет

Шенбрун. Вдали видна наполеоновская галерея.

пятидесяти. Говорит по-чешски. Сообщает, что на днях собирается на родину, в Прагу. В руках у неё появляется изящная серебряная пудреница. Не пожелали бы господа русские офицеры купить на память о Вене? Ведь, наверное, у каждого есть любимая девушка или жена в России. Сколько стоит? Женщина мнётся. Хотела бы получить банку мясных консервов и буханку хлеба... Мы чувствуем себя неловко. Кто же едет осматривать Шенбрун, запасаясь мясными консервами и караваем хлеба? Предлагаем шиллинги. «Нет, шиллинги мне не нужны. За

Шенбрун. Императорский дворец.

них ведь почти ничего не купишь», — извиняется женщина.

У кого-то из нас оказываются бутерброды, взятые в столовой. Женщина благодарит, и не успеваем мы отойти, поспешно начинает жевать их. Она не нищенка. Нет. Таких, к сожалению, в Вене много. То и дело к нам подходят, почтенные австрийки в старомодных сюртуках, снимают канотье, котелки, просят папиросу. Другие собирают на глазах у всех окурки. А ведь говорят, Вена до Гитлера была одним из самых дешёвых городов Европы!

Унылые жирафы, изнывающие от жары бурые медведи, голодные слоны, то и дело тянущиеся хоботами к ветвям каштанов, бродят за оградой в зоологическом саду. Над клеткой гиены кто-то написал: «Гитлер». С полным безразличием к окружающему, тихо, наперегонки движутся по бетонному дну загородки два тигра. Тяжёлая американская фугаска упала возле домика, в котором живут старый и малый бегемоты, перебила водопроводную магистраль, повредила воздушной волной стены. Бегемот пережил это потрясение, но воду в его бассейн приходится таскать ещё вручную, хотя уже поблизости группа венцев восстанавливает водопровод.

Кто-то из лётчиков, все ещё находящихся под впечатлением «Большого вальса», пробует разговориться с жителями Вены об этой картине. Мигом возле нас собирается толпа. Старики, юноши, девушки пытаются узнать, о чём идёт речь. Все старания не приводят ни к чему. Луиза Райнер, Жан Дювивье, Милица Корьюс — всё это пустые звуки для венцев. Неожиданно в общий разговор врывается понятная для многих из нас польская речь. Говорит по-польски скромно одетая, среднего роста, загорелая девушка с высокой причёской. Она становится нашим переводчиком. И тут мы узнаём, что «Большого вальса» Вена, которой, собственно, в значительной степени посвящена эта лента, ещё не видела.

Узнав, что многие из нас были недавно в Кракове, она жадно расспрашивает о том, как живёт сейчас её родной город. Потом с заметной тоской говорит:

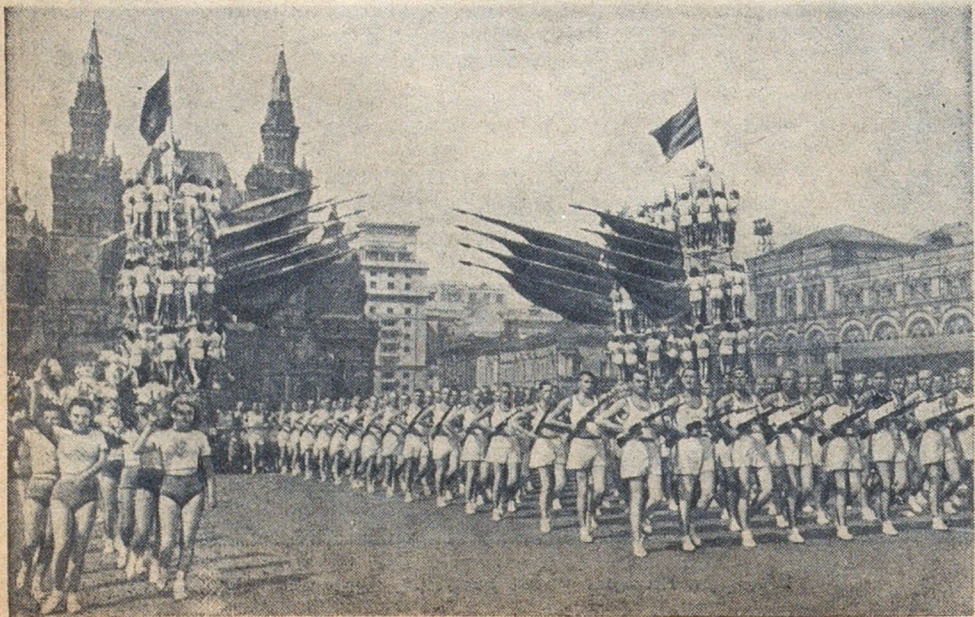
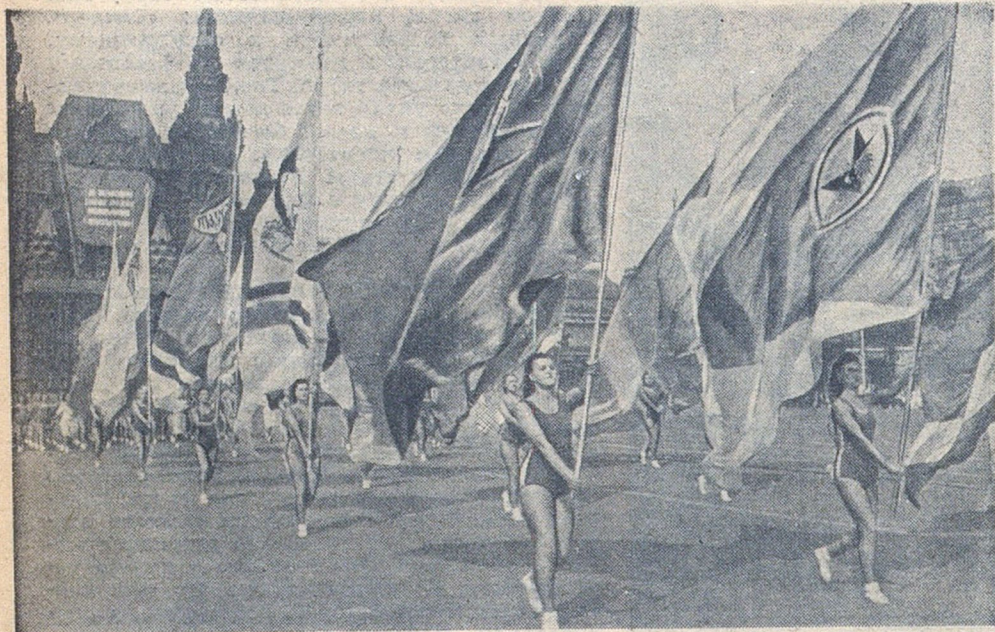
— Здесь нам, славянам, было трудно. Гитлер очень испортил многих. Многие в Вене голодают, это бесспорно, — продолжает девушка, — причём недоедание и нужда, усиленные последствиями войны, затрагивают, главным образом, тружеников. Но в то же самое время есть в Вене немало семей, нажившихся на войне. Это люди, которые помогали Гитлеру.

Мы прощаемся. Машина выезжает из-под арки Шенбрунского дворца и мчит по блестящим от дождя улицам Вены.

ПРАЗДНИК МОЛОДОСТИ

12 августа на Красной площади в Москве состоялся традиционный Всесоюзный парад физкультурников, в котором приняло участие 23 тысячи человек. Помещаем несколько снимков отдельных моментов парада.

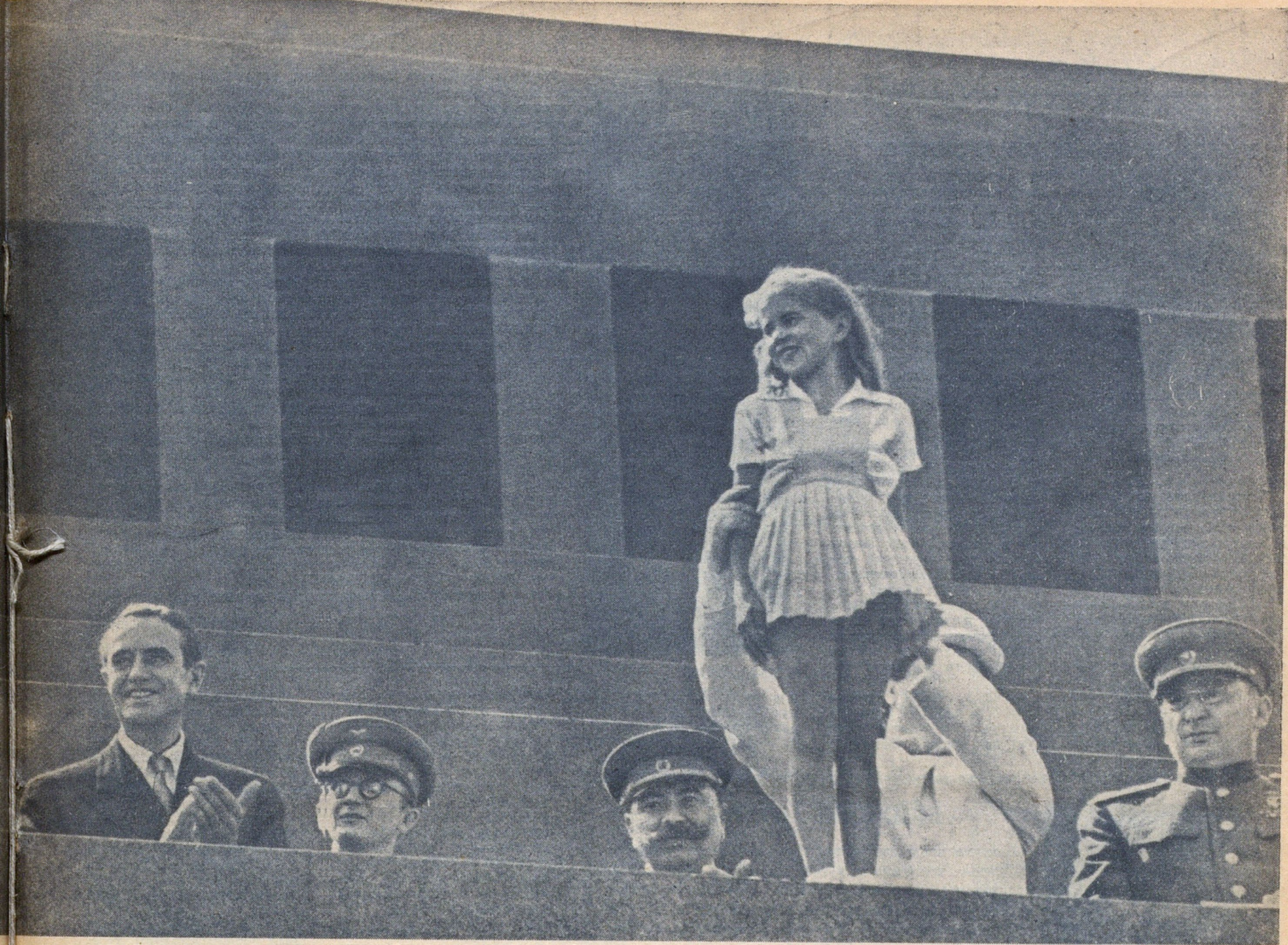
Фото С. Гурарий.

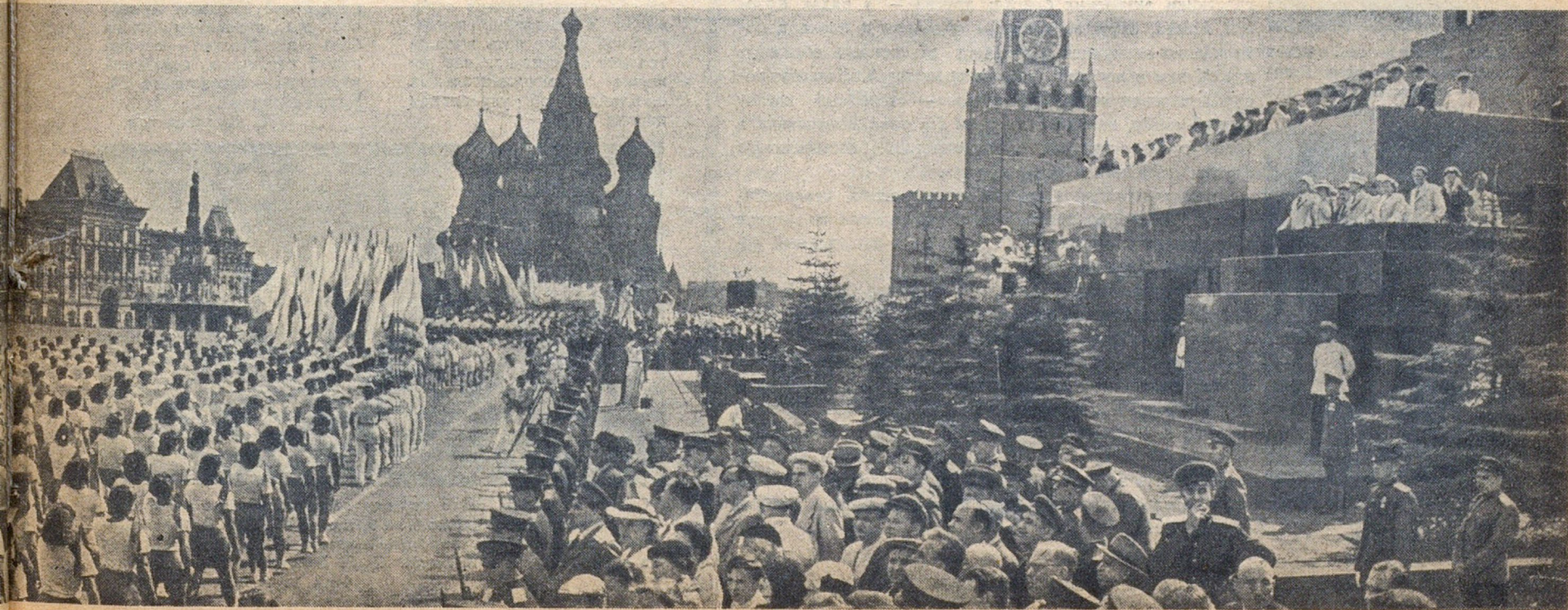
После торжественного марша участников парада начались показательные выступления школьников. Перед зрителями прошёл день пионерского лагеря. В парадной форме перед зрителями прошёл день пионерского лагеря. В парадной форме перед зрителями прошёл день пионерского лагеря. В парадной форме перед зрителями прошёл день пионерского лагеря.

1. Прохождение головной колонны

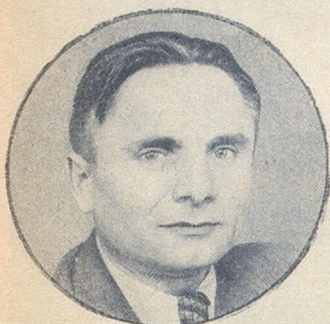

...альные выступления спортивных делегаций союзных республик и спортсменов добровольных обществ Москвы. Первыми выступили московские
В заключение малыши с букетами цветов поднялись на трибуну мавзолея и передали их товарищу Сталину. На снимке: товарищ И. В. Сталин, посол
Л. П. Берия и ребята, преподнесшие цветы. На нижнем снимке: общий вид Красной площади во время парада. На снимках слева (сверху вниз):
добровольных спортивных обществ профсоюзов; 2. Физкультурницы Грузинской ССР; 3. Колонна спортсменов общества «Динамо».

УКРАИНСКИЙ ТЕАТР В МОСКВЕ

Художественный руководитель Харьковского театра имени Шевченко народный артист СССР М. М. Крушельницкий.

Поэтичностью и музыкальностью проникнут спектакль «Дай сердцу волю — заведёт в неволю», показанный в Москве на открытии гастролей Украинским государственным драматическим театром имени Шевченко — первым национальным театром, который приехал в столицу нашей родины после победы над гитлеровской Германией.

Народная мелодрама «Дай сердцу волю — заведёт в неволю» принадлежит перу выдающегося мастера и

основоположника украинского народного театра конца прошлого века М. Кропивницкого. В ней широко использован украинский фольклор, отражены поэтичность и благородство украинского народа. Песни, пляски, народные обряды (помолвка и свадьба) перемежаются с полными драматизма сценами. Это старая, чуть наивная история о трагической любви бедного и честного парубка Семёна (артист В. Стеценко) и красавицы-сироты Одарки (артистка О. Валуева).

Большая тонкая театральная культура отличает исполнителей и создателей этого спектакля, превосходно оформленного художником В. Греченко. Замечательна в сложной роли Ивана Непокрытого народный артист СССР М. Крушельницкий. Он создаёт тёплый, живой образ неунывающего бедняка и достигает большой драматической силы в сцене, когда ради счастья своего друга жертвует собой.

— «Дай сердцу волю — заведёт в неволю» и другие спектакли, привезённые театром имени Шевченко

для показа в Москве: «Богдан Хмельницкий» и «В степях Украины» А. Корнейчука, «Евгения Гранде» по

ЧТЕЦ-РАССКАЗЧИК МИХАИЛ ВЕРЕВКИН

Михаила Верёвкина, быть может, правильнее назвать не чтецом, а рассказчиком, правда, с очень интересным и своеобразным репертуаром, культурной и простой манерой исполнения. В его репертуаре свыше 80 произведений: стихи и проза, героика и лирика, классическая и современная литература, русские и западные писатели. Верёвкин всё время работает над пополнением репертуара: он находит и переводит рассказы и новеллы французских, английских и американских авторов (несколько рассказов Джеромом Джеромом впервые на русском языке прочитаны им), популяризирует забытые и мало известные рассказы русских и западных писателей. Лучшее всего ему удаются произведения Твена, Джерома, Генри. Читает их он с мягким юмором.

Артист никогда не изображает действующих лиц, а просто рассказывает о них, передавая при этом отношение к ним и автора и своё личное, что даёт возможность слушателям ясно представить себе его героев.

Верёвкину присуще чувство стиля, которое выражается в определённом подборе жестов, интонаций, музыкальности и ритма, разных для каждого писателя, для каждого произведения. Всё это выражено очень сдержанно и просто.

У Михаила Верёвкина хорошие внешние данные, большое обаяние и приятный голос.

На эстраду он пришёл из Художественного театра, в котором сыграл около 20 ролей с 1933 года по 1941 год. Эти 8 лет работы и постоянная учёба в Художественном театре помогли ему стать не только актёром, прекрасно владеющим словом и искусством рассказчика, но и воспитали в нём художника, обладающего прекрасным вкусом, художественным тактом, чувством меры и большой требовательностью к себе.

Сейчас Михаил Верёвкин готовит две программы: «Вечер творчества Мопассана» и «Вечер лирики», куда войдут стихи Блока, Брюсова, Есенина, Щипачёва и др.

Мы с интересом ждём новых работ талантливого артиста.

Ирина Вершинина

Фото Б. Цейтлина

БУДУЩИЕ АКТЕРЫ

В конце июля состоялись государственные экзамены студентов выпускного курса актёрского факультета, руководимого народным артистом РСФСР В. Станицыным (ГИТИС). Выпускники показали три спектакля: «Васса Железнова» М. Горького, «Соперники» Р. Шеридана, «Стакан воды» Э. Скриба.

Студенты этого выпуска учились в годы Великой отечественной войны и окончили институт уже в дни Победы. Поэтому выпуск называют «военным».

Некоторые студенты побывали на фронте: одни — как участники актёрских бригад; другие — в рядах Красной Армии, были награждены орденами и после демобилизации вернулись в институт заканчивать образование. К ним относятся: фронтовик-минёр А. Лазарев; военный переводчик В. Турманидзе — способный характерный актёр, исполнитель роли Прохора Борисовича в горьковском спектакле и самовластного, вспыльчивого Энтони Эбсолюта в «Соперниках».

Среди выпускников группы ленинградцев, переведённых в ГИТИС во время войны, обнаружила подлинное драматическое дарование Г. Зегржда в сложнейшей роли Вассы Железновой.

Интересные образы созданы в «Стакане воды» Е. Цукерман-Македонской (королева Анна), А. Окснер (герцогиня Мальборо), А. Левинским (Болинброк).

В спектакле «Соперники» Шеридана, — пожалуй, наиболее интересном из трёх показанных — сказались и другие разнообразные таланты выпускников. Приятна музыка к спектаклю студента М. Шармана. Интересны интермедии и куплеты, написанные студентом И. Вишневым. Из исполнителей необходимо отметить Н. Озерова, показавшего себя блестящим комедийным актёром в роли Боба.

Т. К.

«Васса Железнова». Васса Борисовна и её дочь Людмила — студенты Г. Зегржда и В. Кокорева.

«Соперники». Люси и Фэг — студенты Н. Черёмухина и И. Вишневы.

Фото С. Шингарёва

Бальзаку, — являются для театра этапными, — рассказал нам художественный руководитель театра М. Крушельницкий. — Наш театр строит свою творческую работу как театр романтической героики. Поэтому характерен показ в Москве спектакля «Богдан Хмельницкий» — об историческом прошлом украинского народа, героизм которого проявился и в годы Великой отечественной войны.

Создавая наши спектакли, мы стремились отобразить в них богатство народного творчества украинского народа, присущие ему поэтичность и музыкальность.

Наш театр за всё время своего существования стремился в подлинно национальной форме дать выразительное образно-идейное решение монументальных спектаклей об украинском народе.

Существуем мы 23 года. Театр зародился в частях Красной Армии, из воспитанников театральной студии. До 1926 года мы играли в Киеве, затем в Харькове — тогдашней столице Украины.

В дни войны наш театр выступал в Нижнем Тагиле и в Фергане. В родной Харьков мы вернулись вскоре после его освобождения от немецких захватчиков.

Театр имени Шевченко был первым крупным театральным коллективом, вернувшимся на родину Украинцу. Трудно передать то чувство подъёма и восторга, с каким мы играли в Киеве, Харькове и по всей прекрасной Украине. А сейчас мы счастливы снова быть в Москве — сердце нашей страны и советской культуры, — заканчивает М. Крушельницкий.

Т. Кулаковская

Сцена из пьесы «Дай сердцу волю — заведёт в неволю». Слева направо: заслуженная артистка УССР С. В. Федорова в роли Маруси, народный артист УССР А. И. Сердюк в роли Микиты и артистка О. Л. Валуева в роли Одарки.

Фото Е. Тиханова (ТАСС)

«Холопка» в Московском театре оперетты. Поленька и Петрусь — арт. Е. Лебедева и Е. Аникеев.

НОВАЯ ПОСТАНОВКА ТЕАТРА ОПЕРЕТТЫ

Оперетта, или «маленькая опера», как звучит это слово в переводе с итальянского, появилась в России в шестидесятых годах прошлого столетия. Первый опереточный спектакль, разнотелый французской придворной труппой на сцене петербургского Михайловского театра, состоялся в 1859 году.

Русская оперетта многие десятилетия существовала только иностранным репертуаром. С афиш не сходили имена французских и австрийских композиторов: Эрве, Оффенбаха, Леока, Планкетта, Зуппе, Милликера и, наконец, знаменитого Иоганна Штрауса.

Никита Батурин и Андрей Туманский — арт. В. Зарубеев и М. Качалов.

В прошлом русской оперетты едва ли можно насчитать два-три имени отечественных композиторов, да и те промелькнули бесследно для нашего поколения.

Одним из первых удачных произведений этого жанра была оперетта «Холопка», написанная в 20-х годах советским композитором Н. Стрельниковым. Она с успехом обошла все театры страны и лет пять не сходилась с репертуара Московского театра оперетты. Теперь стрельниковские мелодии снова зазвучали со сцены Московской оперетты.

Сюжет «Холопки» таков: Андрей Туманский, побочный сын князя Батурина, попадает за долги умершего отца в крепостное рабство к фавориту Павла I — графу Кутайсову. В графском дворце гостит французская

актриса Виолетта Леблан. Андрей любит Виолетту, а его сверстник камердинер Петрусь влюблен в крепостную актрису Поленьку. Перед законом любви равны и дворянин и холоп — такова мысль пьесы. И любовь побеждает все препятствия, воздвигаемые временщиком Кутайсовым.

Чудесная музыка, полная широкой русской напевности, пышные, выполненные с большим вкусом декорации художника В. Рындина, эффектная композиция всего зрелища (постановщик — И. Рапопорт) — всё это создаёт интересный спектакль.

В главных ролях заняты артисты С. Вермель — Виолетта Леблан, Е. Лебедева — Поленька, В. Зарубеев — Никита Батурин, М. Кача-

Виолетта Леблан и граф Кутайсов — арт. С. Вермель и В. Володин.

Фото Б. Фабисовича

Литература и Искусство

НОВЫЕ КНИГИ

Е. Елагина «Костёр на мысу». «Молодая гвардия». 1945.

В живой форме автор рассказывает о двухлетней борьбе таганрогской партизанской подпольной организации с немцами, о борьбе, напряжённой и героической, в результате которой уцелевшая часть отряда достигла соединения с частями Красной Армии, освободившей Таганрог. Книга иллюстрирована photographиями подпольщиков.

«РУССКАЯ ИЗБУШКА»

Центральным государственным литературным архивом приобретён заслуживающий внимания материал И. А. Синани.

В воспоминаниях современников о владельце книжно-табачного магазина, на вывеске которого значилось: «Русская избушка И. А. Синани, продажа книг и газет на набережной в Ялте», сохранилась добрая память. Будучи человеком весьма доморощенной культуры, Синани с большим почтением относился к писателям вообще, а Чехова буквально боготворил и находился с ним в деловой переписке, когда тот уезжал в Москву или в Мелихово.

Синани руководил постройкой ялтинской дачи Чехова (ныне дом-музей имени А. П. Чехова), выполняя все поручения писателя по части хозяйственных дел.

Чехов, со своей стороны, с большой симпатией относился к Синани и охотно навещал его «Русскую избушку». Его «всегда тянуло пойти на ослепительно белую, залитую солнцем набережную, — вспоминает О. Л. Книппер-Чехова, — вдыхать там тёплый, волнующий аромат моря, щуриться и улыбаться, глядя на лазурный огонь морской поверхности, тянуло поздороваться и перекинуться несколькими фразами с ласковым хозяином, посмотреть полки с книгами, нет ли чего новенького, узнать, нет ли новых приехавших, послушать невинные сплетни».

С течением времени визиты Чехова «в город» и «на заседания» к Синани становились всё реже и реже, однако посещения «Русской избушки» приезжавшими в Ялту «знаменитостями» не прекращались. Приходившие обычно расписывались в книге посетителя, которая была у Синани (сейчас она находится в Государственном литературном архиве).

Двадцать четыре листа этой книги заполнены сорока шестью

автографами русских писателей, артистов и художников; среди них — Л. Андреев, И. Белоусов, И. Бунин, В. Гиляровский, М. Горький, А. Куприн, Д. Мамин-Сибиряк, С. Найдёнов, Вас. и Вл. Немирович-Данченко, Н. Телешов, А. Фёдоров и другие. Автографы по своему характеру и объёму различны. Вот некоторые из них:

10 апреля 1899 г. выехал из Ялты. Антон Чехов.

А я выехал 13-го. Максим Горький.

15 апреля 1900 г. Ив. Бунин.

Вчера приехал в Ялту, а сегодня ездил верхом в Уч-Кош. Великолепно!

А. Куприн. 1901 г. 11 апреля

Признательности дани
Не в силах не отдать:
На память я Синани
Пишу стихи в тетрадь...

...Ах, у него не лавка,
Талантов «Пантесн»:
То Горький у прилавка,
То Чехов наш Антон...

Р. Меч. V/1900—Ялта.

Ехал в Ялту с радостью,
Уезжаю из Ялты с удовольствием.

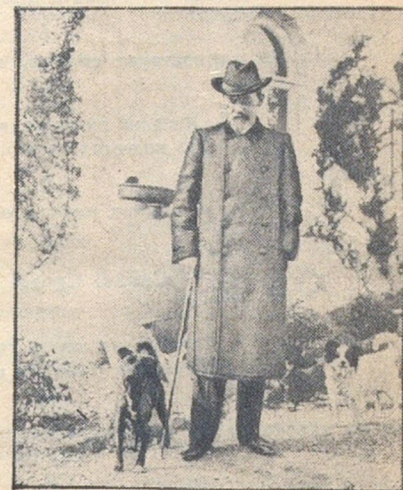
Д. Мамин-Сибиряк.

К горю Бунина Вани
Я скажу, как никак:
В магазине Синани
С его книгой — табак.

А. Фёдоров. 11 апреля 1905 г.

В Ялте зимнею порой —
Только море и Синани,
Бродят тучки под горой, —
Остальное всё в тумане.

Ив. Бунин. 10 февраля 1901 г.

А. П. Чехов в Ялте.

Другу писателей и артистов, приютившемуся в чудном Крымском уголке — милому Синани.

Вл. Немирович-Данченко.
7 мая 1901 г.

Коль по набережной Ялты
Хоть в жизни раз гулял ты,
Так уж видел ты Синани,
Всем известно заранее:
Он брюнет, не без седина,
Он же — ялтинский Смирдин*.

Н. Телешов. 1902 г. Апреля 7.

Хвала тебе, о Ялтинский
Смирдин,
Наш общий друг, пособник,
укрыватель!
Тебя благодарит писатель.

А. Куприн. 1906 г. Апр. Ялта.

Таков был круг посетителей «Русской избушки», запечатлевших в книге автографов своё отношение к Синани, этому простому, скромному человеку, другу писателей и артистов, «ялтинскому Смирдину», которого так ценил Чехов.

И. В. Фёдоров.

* Смирдин — петербургский издатель и книготорговец 30-х и 40-х годов XIX века.

Кто это сказал!

- 1
Рассудку вопреки, наперекор стихиям...
- 2
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой.
- 3
Революционный
Держите шаг;
Неугомонный
Не дремлет враг.
- 4
Даром ничто не даётся: борьба
Жертв искупительных просит.
- 5
Боюсь данайцев и дары приносящих.
- 6
Да здравствует солнце, да скроется тьма!
- 7
Люблю ли тебя, я не знаю,
Но кажется мне, что люблю.
- 8
А ларчик просто открывался.
- 9
Слова! Слова! Слова!
- 10
Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда...
- 11
Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол», не верь глазам своим.
- 12
Свинья в ермолке.
- 13
Слона-то я и не приметил.
- 14
Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ Маузер.
- 15
Дважды два — стеариновая свечка.
- 16
Единожды солгавши — кто тебе поверит.
- 17
Что, Иванушка, не весел?
Что головушку повесил?
- 18
Мечты, мечты, где ваша сладость?
- 19
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
- 20
Ударь раз, ударь два, но не до бесчувствия же!

Напечатанные в прошлом номере изречения и выдержки принадлежат: 1 — Маяковскому, 2 — Тютчеву, 3 — Минину, 4 — Лермонтову, 5 — Золю, 6 и 8 — Пушкину, 7 — Мятлеву, 9 — Жуковскому, 10 — Горбуну, 11 и 19 — Гоголю, 12 — Шекспиру, 13 — Юлию Цезарю, 14 — Тургеневу, 15 — Дмитрию, 16 — Козьме Пруткову, 17 и 20 — Крылову, 18 — Чехову.

Иллюстрация в заголовке — рисунок Боклевского к «Ревизору» Гоголя (Бобчинский и Добчинский).

Из прошлого

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

Письмо фельдмаршала Кутузова

«Нас трудно убедить в том, будто Кутузов уже при выборе Рязанской дороги имел намерение перейти впоследствии с этой дороги на Калужскую. Ведь из Москвы ему было бы гораздо удобнее это сделать; ведь его блестяще выполненный фланговый марш, как бы хорошо он не был организован, должен был всё же представляться рискованным».

Это высказывание известного немецкого военного теоретика Клаузевица¹, непосредственного свидетеля и участника рассматриваемых им событий, полностью отражает предвзятое отношение к Кутузову Александра I и его немецкого окружения.

Признавая исключительно важное значение флангового марша русской армии на Калужскую дорогу для всего дальнейшего хода кампании и поражения Наполеона, Клаузевиц утверждал, что идея этого марша будто принадлежит полковнику Толю, а не Кутузову и что ему «неизвестно, каким путём полковнику Толю удалось провести свой взгляд».

Все эти утверждения Клаузевица ни на чём не основаны.

В разрозненном и необработанном эпистолярном наследии М. И. Кутузова мы находим простое, ясное, как всё, что говорил и делал этот замечательный человек, письмо к своей дочери Анне Михайловне Хитрово, которое полностью разрушает высокопарные, необоснованные рассуждения немецкого стратега.

Вот это письмо:

«Друг мой Аннчик, и с детьми здравствуй!

Это за меня пишет Кудашев², у меня немного болят глаза и я их берегу.

Какое несчастье, дорогой друг, быть так близко от вас и не иметь возможности вас обнять, но обстоятельства трудные.

Я вполне уверен, что с помощью бога, который никогда меня не оставлял, поправлю дела к чести России.

Но нужно сказать откровенно, что мне не нравится ваше пребывание около вашей Таруссы; вам могут надделать беды, т. к. что такое представляет собою одна бедная женщина с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжайте же, дорогой друг, но я требую, чтобы сказанное мною было хранимо вами в глубочайшей тайне.

Потому что, если оно получит огласку, мне это сильно повредит.

Если бы Николаю³ не удалось получить согласие губернатора на выезд, то вы могли бы уехать одни; тогда я улажу дело с губернатором, напирая на то, что ему [Николаю] следовало бы сопровождать свою жену и детей, но вы, мои дети, уезжайте непременно.

Моё здоровье довольно хорошо, и я полон надежды; не будьте же удивлены, что я немного отошёл назад без боя; это чтобы усилить себя подкреплением, как можно больше.

Детей целую.

Боже тебя благослови и кланяйся Николаю, все его дела поправятся;

¹ Клаузевиц «1812 г.», стр. 129. Военгиз. 1937.

² Полковник Кудашев — зять Кутузова, очень близкий к нему, партизан.

³ Муж Анны Михайловны — генерал-майор Хитрово.

Фельдмаршал М. И. Кутузов.

кажется и Балашев⁴ очень за него принялся.

Верный друг Михаила Г[оленищев] К[утузов]

19 августа у Гжатска.

Это письмо полностью рассеивает все «недоумения» Клаузевица и обвинения в «непредусмотрительности», «беспланоности», выдвигавшиеся против Кутузова.

Кутузов принял армию 16 августа 1812 года в Царёво-Займище. Через три дня он категорически определяет Калужскую дорогу, на которой находится Тарусса, как театр войны. Таким образом, вопрос о марше на Калужскую дорогу был решён Кутузовым уже тогда, когда он принимал командование армией.

Тогда же для него была ясна судьба войны: зятю М. Ф. Толстому он пишет: «В Рязани можете быть спокойны, к вам никакой француз не зайдёт».

Кутузов, уяснив себе все детали будущих операций, не находил возможным делиться своими решениями с кем бы то ни было: он не доверял своему плану Александру I, окружённого немцами, французами-эмигрантами и другими недругами великого полководца, он не доверил их даже своему штабу, возглавляемому Беннигсеном и Толем и обслуживаемому тем же Клаузевицем. Как известно, братья Клаузевица сражались в прусских войсках против России, и с ними он не порывал сношений.

Зная твёрдо, что и зачем он делает, М. И. Кутузов стойко сносил нападки и выговоры Александра I, дерзкие выходки иностранных представителей при его штабе, но не делился своими планами ни с кем. Это дало ему возможность выполнить их и навеки покрыть русскую армию и себя бессмертной славой.

Б. У-СКИЙ.

⁴ Генерал-адъютант Александра I.

СИРЕНЬ

Борис Привалов

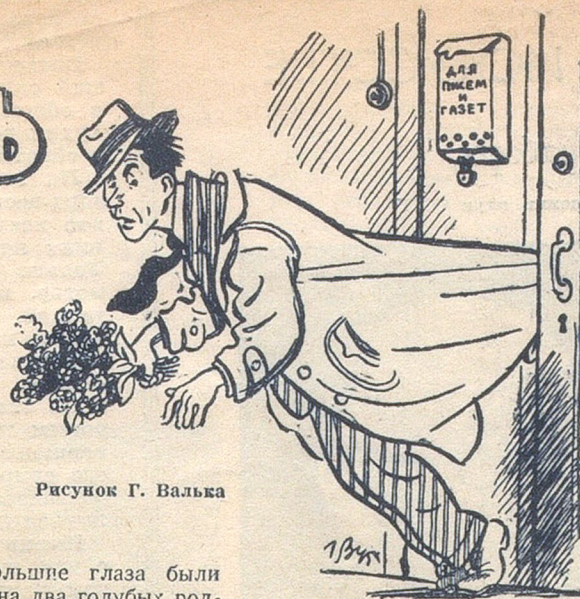

Рисунок Г. Валька

Сирень безумствовала. В комнате всё насквозь пропахло сиренью — даже пиво по запаху напоминало цветочный одеколон. Сирень цвела. Мало сказать, цвела: сиренью заросло всё полезное пространство — грядки, собачья конура, дорожки. Она за ночь пробивалась сквозь щели стены, и утром, открыв глаза, я видел мир в светлофиолетовом цвете — перед моим носом, как канделябр, торчал выросший за ночь сиреневый букет.

В нашем деревянном домике, кроме меня и моей соседки Наташи, жил садовник Михеич. Он был известный сиреневод. В прошлом году, например, он открыл какую-то особенную, ультрамахровую сирень. В этом году он занимался озимой сиренью, и вот теперь цветоводство торжествовало, а мы страдали. Говорят, что от большой концентрации цветов люди заболевают. Вероятно, поэтому всё население нашего особняка болело и страдало. Болело от любви, страдало от излишней лирики. Я не знаю, чего было больше, — любви или сирени...

Выйдя из дому, я засел в беседке, обвитой плющом. Плющ был единственным светлозеленым пятном среди цветочных джунглей. И он мне нравился — цепкий и тягучий.

Утренняя дачная тишина лежала кругом. В ярком, словно синька, небе солнце каталось, как сыр в масле.

Рядом со мною, по ту сторону зелёной плющевой ширмы, кто-то заплакал. Сначала неуверенно и робко, потом всё смелее, смелее и смелее.

Я раздвинул листья и увидел хорошенького милиционера, вздрагивающего от рыданий. Милиционер был натуральной блондинкой. Его звали Наташей, и он, то есть она, был рядом со мной.

Наташа плакала. У меня возникло подозрение, что виной всему проклятая озимая сирень. От неё становишься сентиментальным. Я знал также, что девушке пора ехать на дежурство в город и что милиции надо помогать, если она — милиция — сама не может справиться с каким-нибудь запутанным делом...

Её большие глаза были похожи на два голубых родника, откуда журчащими ручейками струились слёзы...

Как выяснилось, всё обстояло просто: Наташа дежурила на Арбате, а прохожий в серой шляпе — не то артист, не то инженер — пересекал площадь по диагонали. Наташа остановила его и потребовала уплаты штрафа. Молодой нарушитель в шляпе стал платить, но у него была только сто-рублёвая бумажка, и, пока Наташа вместе с ним ходила разменивать деньги, они разговорились, поправились друг другу, и она простила ему нарушение правил уличного движения. Потом он спрятал бумажник и вынул записную книжку, в которую были внесены наташины координаты...

Сегодня утром, в 10 часов, арбатский знакомый должен был прийти на свидание. Наташа специально из-за него ездил в Москву, ждала его целый час, но он не пришёл...

— Значит... он... просто штраф не хотел платить, — всхлипывала Наташа, — он меня рассматривал не как девушку... а как милиционера... Он таким хорошим мне показался, а, оказывается, всё из-за десяти рублей!

Она не была слезливой. Наоборот, её боялись даже неустрашимые завсегдатаи Палашовского рынка. Но сейчас обида и разочарование были так велики... А тут ещё сирень! Разумеется, если бы Наташа была холодна, как мраморное изваяние, и расчётлива, как блондинки из «Эрмитажа», она бы не плакала. Но она была милой и живой девушкой и очень не любила сад «Эрмитаж», где была только один раз — выводила пьяного.

— Ничего, Наташенька, — сказал я, — в следующий раз штрафуйте всех, кото-

рые в шляпах, на двадцать пять рублей, чтобы неповадно было...

Наташа промокнула мохнатой гроздью сирени свои мокрые глаза, одёрнула гимнастёрку и уехала в город на дежурство.

Я уселся в беседку и думал о наглости молодого человека, который сыграл с девушкой такую злую шутку... Вдалеке басовито прогудела электричка. Под толчком беседки порхала заблудившаяся ночная бабочка.

«Какой же всё-таки наглец, этот парень в шляпе!» — снова подумал я, вспоминая о голубых наташиных глазах.

...А в этот день, в 10 часов утра, в Москве владелец серой шляпы спешил на свидание. Он уже опаздывал, но всё-таки купил букет сирени, переоделся в светлый костюм, накинул бежевый плащ и почти выскочил из квартиры, как вдруг, кто-то сзади рванул его обратно. Влюблённый оглянулся. Оказывается, захлопывая за собой входную дверь, он прищемил полу плаща. Человек подёргал материю, но дверь была сильнее. Поискал в кармане ключ и вспомнил, что забыл его в старом костюме. Квартира была пуста, и помощь могла прийти только извне.

Хорошенькая девушка, спускавшаяся сверху, увидела, как прилично одетый гражданин извивался, словно пойманный угорь, и засмеялась. Пострадавшему ничего другого не оставалось, как сделать вид, будто всё в порядке и он просто стоит у двери и нюхает цветы. Когда девушка ушла, влюблённый вылез из плаща и снова попытался вы-

Юмор

тащить его из дверной пасты. Но, случайно взглянув на часы и испустив отчаянный вопль, он кинулся на улицу. Добежав до метро, обладатель серой шляпы остановился.

«Что, если кто-нибудь украдет плащ? — мелькнуло у него мысль. — Срежет плу и — будь здоров?!»

Молодой человек ринулся назад. Одним махом взлетел к себе на пятый этаж. Дверь попрежнему удерживала бежевый плащ. Решив сходить за слесарем, влюблённый вышел на улицу, но, испугавшись, что в это время плащ может исчезнуть, снова взобрался наверх. Несчастный сел на ступеньки, и ему захотелось плакать от сознания своей беспомощности. Изредка молодой человек делал попытки собственными силами спасти плащ, но безуспешно. В конце концов любовь победила.

— Плевать я хотел на плащ! — крикнул он на всю лестницу. — Довольно быть рабом вещей! — и, схватив сирень, в третий раз выскочил на улицу.

Две остановки он проехал спокойно. У театра Вахтангова в троллейбус вошёл гражданин в плаще, как две капли воды похожем на его. Сердце молодого человека болезненно сжалось, и, не выдержав такого зрелища, он выскочил из вагона и помчался на Арбат.

Возле его квартиры стояли управдом, дворник и милиционер.

— Вас или ограбили или ещё грабят, — спокойно сообщил дворник, первый заметивший владельца плаща.

— Это, так сказать, квартирант, — сказал домоуправ милиционеру, — ихняя, значит, квартира...

Милиционер оглянулся. Конечно, это была Наташа! Хозяин квартиры уронил сирень в пролёт лестницы. Он ещё не был как следует уверен — мираж перед ним или действительно она.

— Ну вот... — залепетал он, — а я... тут вот... с пальто... дверь и вообще...

Наташа ещё раз посмотрела на схваченный дерзостью плащ, потом на его растерянного владельца и рас-смеялась...

Я не был, к сожалению, свидетелем их свидания на лестничной площадке пятого этажа, но вечером, сидя в беседке, Наташа и её «задержанный» сами рассказали мне всю эту суматошную историю.

— Я же говорила, что он хороший, — сказала мне Наташа шопотом, — а вы не верили...

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО...

...композитор Люлли тяжело заболел. Духовник уговорил его для спасения души пожертвовать последней оперой, «Армидой», «произведением колдовским и любовно-страстным», по утверждению аббата.

Люлли бросил рукопись в огонь. Сияющий аббат торжествовал победу.

— Вот как, бедняга Батист, — обратился к музыканту один из его друзей, — ведь эта работа стоила тебе таких трудов!

— Не беспокойся, друг мой, — шепнул ему Люлли, — у меня цел другой экземпляр.

...раздражённый чванливостью одного аристократа, всё время говорившего о заслугах своих предков, великий английский сатирик Джонатан Свифт заметил:

— Когда я смотрю на вас, я каждый раз вспоминаю о картофеле.

— Почему о картофеле? — удивился собеседник.

— У него тоже всё полезное под землёй.

...в мировую войну 1914—1918 годов германский крейсер «Эйтель Фридрих» потопил английский коммерческий пароход «Флориду».

Капитан крейсера предложил капитану английского парохода подписать обязательство не принимать больше участия в военных действиях против немцев.

Англичанин улыбнулся и сказал:

— Для вас я готов подписать всё, что угодно, хотя бы даже нейтралитет Бельгии...

...когда Марк Твен ещё не был знаменит и писал только для газет, один эстрадный актёр предложил ему пять долларов за полдюжины хороших шуток.

Твен отказался.

— Если у меня найдут пять долларов, — пояснил он, — меня заподозрят в краже этих денег. Если вы начнёте сыпать удачными шутками, все будут знать, что эти шутки краденые.

РУССКАЯ НАУКА ОБ ИСКУССТВЕ

Академик И. Э. Грабарь,

директор Института истории искусства Академии наук СССР

Организованный в системе Академии наук СССР Институт истории искусства — первое и единственное в Европе научно-исследовательское учреждение, объединяющее такие, казалось бы, разнородные дисциплины, как история живописи и скульптуры, история архитектуры, история музыки, история театра.

Несмотря на то что все искусства имеют немало общих черт, специфика каждого из них по своей природе, технике, методам воздействия настолько отлична от других, что возникали даже сомнения в возможности построения единого, комплексного научного организма.

Однако в процессе организации Института все сомнения рассеялись, построение его оказалось вполне осуществимым, и в основном оно уже закончено.

Институт делится на четыре сектора: живописи и скульптуры, архитектуры, музыки, театра. Каждый из них разрабатывает в своей области вопросы истории и теории.

Основная задача Института заключается в разработке вопросов истории русского искусства и в издании сводных и монографических трудов по всем видам искусства. До сих пор не существует подлинной истории русского изобразительного искусства, истории русской архитектуры, русской музыки, театра. Подготовка к изданию таких сводных трудов есть первоочередное дело Института, к которому уже приступлено соответствующими коллективами авторов.

В распоряжении историков западноевропейского искусства имеются богатейший монографический материал и обилие публикаций первоисточников, что чрезвычайно облегчает работу над сводными трудами. По русскому искусству аналогичный материал весьма скуден, почему Институт наряду с выпуском сводных трудов ставит одной из своих задач разработку и публикацию первоисточников — материалов архивного и библиографического характера, документов биографических и мемуарных, изысканий о неизвестных или малоизвестных произведениях отдельных авторов.

Эти материалы будут печататься в особых сериях, носящих название «Наследство», по типу хорошо известного и столь оправдавшего себя «Литературного наследства»: «Ху-

дожественное наследство», «Архитектурное наследство», «Музыкальное наследство», «Театральное наследство».

Заканчивается и вскоре будет дан в печать первый том «Художественного наследства», всецело посвященный материалам о жизни и творчестве И. Е. Репина и приуроченный к столетию со дня рождения художника. Как этот сборник, так и все другие той же серии будут давать только материал неизданный, публикуемый впервые. В частности репинский том содержит никому до сих пор не известные его собственные воспоминания, воспоминания лиц, близко его знавших, документальную историю создания многих произведений гениального мастера и свыше ста вновь найденных его картин, портретов и рисунков.

Наряду с этими двумя типами изданий Институт будет регулярно выпускать свои «Труды» по истории всех искусств.

Этот краткий перечень работ Института, как ведущих уже сейчас, так и намеченных на ближайшие годы, говорит о том, какой размах приобретает его деятельность и какие перспективы открываются для историков искусства и для русской науки об искусстве.

ку, чтобы снять нас с острова, а шкипер подавал ему вёсла и отвязывал шлюпку от кормы бота.

После завтрака мы для вида совершили ещё одну небольшую прогулку по острову в обществе пастора и шкипера. Около полудня вернулись на «Анну» и отправились в обратный путь к материку.

На этот раз нам сопутствовал лёгкий норд-вест, и шкипер Хеккерт показал высокое искусство управления в ледовых условиях парусным ботом без помощи мотора. Только подходя к дому, шкипер запустил мотор, и «Анна», задорно постукивая нефтянкой, к полуночи пришвартовалась у знакомой нам пристани. Мы распрощались со спутниками и отправились в свой «Гранд-отель».

Не скажу, чтобы мы возвращались в хорошем настроении. Кручинин выглядел совершенно спокойным, но я знал, что в душе его свирепствует шторм. Вся наша поездка оказалась напрасной, нам предстояло вернуться ни с чем.

Именно с этой мыслью мы улеглись спать, с нею же приветствовали и заглянувшие к нам наутро яркие лучи весеннего солнца.

— Сходи за Ансеном, — довольно мрачно сказал мне Кручинин. — Пусть соберёт всё, что нужно для обратного похода через горы.

— Когда пойдём? — спросил я.

— Как только он будет готов... Нам тут делать больше нечего.

Не в очень весёлом настроении уселись мы в кухне около пылающего камелька, подтапливаемого старыми ящиками, и еле-еле поддерживали беседу с хозяином, повидимому, не замечавшим нашего дурного настроения.

Внезапный стук в дверь прервал нашу беседу. В кухню вбежал Видкун Хеккерт. Бледный, растерянный, едва переступив порог, он без сил упал на стул.

Прошло немало времени, пока он успокоился настолько, чтобы более или менее связно рассказать нам, что привело его в такое состояние. Оказывается, ночью, услышав стук мотора «Анны», он пришёл на пристань, но нас уже не застал. Не было на «Анне» и пастора. Шкипер и Кнуд укладывались спать. Несмотря на то что присутствие этого малого было ему в высшей степени неприятно, даже, он сказал бы, противно, Видкун решил остаться на «Анне», чтобы кое о чём потолковать с братом. Они выкурили по трубке и велели Кнуду сварить грог. Грог хорошо согрел их, и они улеглись. И, чорт побери, благодаря грогу, они спали так, что Видкун разомкнул веки только тогда, когда солнце ослепило его сквозь растворенный кап. Вскоре Видкун сошёл на берег вместе с зашедшим за ним пастором. Они пошли было в город, но пастор вспомнил, что забыл на «Анне» трубку, и вернулся за нею. Прошло минут десять — пастора всё не было. Видкун пошёл обратно к пристани. Придя на «Анну»... Да, да, не больше пятнадцати минут прошло с тех пор, как они с пастором покинули «Анну», и вот теперь, вернувшись на неё...

Кассир прервал рассказ и отёр со лба крупные капли пота. Широко раскрытыми, неподвижными глазами он уставился на стоящего перед ним Кручинина, который спокойно его разглядывал. Под этим взглядом лицо кассира делалось всё более бледным и кожа на нём обвисала безжизненными серыми складками. Только под скулами мускулы вздувались тугими желваками, когда он делал усилие, чтобы не дать своим челюстям снова лязгнуть. С отчаянием Видкун сцепил пальцы вытянутых рук и хрипло выдавал из себя:

— ...когда через четверть часа я вернулся на «Анну», Хьяльмар был мёртв...

Сказав эти слова, Видкун разомкнул руки, и его большие жёлтые ладони обратились к Кручинину, словно защищаясь от него. Мутные слезящиеся глаза кассира стали совершенно неподвижными, остекленев от ужаса. Видкун, сидевший несколько мгновений, точно загипнотизированный, потом вдруг сразу весь обмяк, уронил голову на стол, его руки бессильно повисли до самого пола, и длинная спина конвульсивно задёргалась, сотрясаемая беззвучным рыданием.

(Следующая глава — «Где убийца?»)

ТАЙНА ТРЕХ

(Перенос со стр. 6)

боками льдинки, размягчённые весенним солнцем.

К месту назначения — южному острову архипелага — мы подошли в сумерках. Нам нужно было поскорее отделаться от своих спутников, чтобы, не теряя времени, заняться отысканием следов опасного гитлеровского агента, известного нам под именем Хельмута Эрлика. Во что бы то ни стало нужно было обезвредить его, прежде чем ему удастся найти надёжную нору, в которой он сможет отлёжаться до возможности возобновить свою смертоносную деятельность. Под первым попавшимся предлогом мы, закинув за спину мешки, покинули судно и ушли в глубь острова.

Убедившись в том, что разыскиваемого нами преступника на острове нет и что следы его говорят о возвращении на материк, мы повернули назад.

Первые, розовые блики зари уже неуверенно вздрагивали на далёких, плывших у горизонта, облаках, когда мы подошли к берегу. Мы старались идти как можно тише, чтобы не разбудить спутников, но каково было наше удивление, когда, выйдя из-за последней скалы, отделявшей нас от фиор-

да, совершенно ясно услышали довольно громкие голоса, доносившиеся с бота. Кручинин остановился и сделал мне знак последовать его примеру. Мы замерли, безмолвные и невидимые с судна. Прислушались.

С «Анны» доносились два голоса. Мы узнали голоса Кнуда и шкипера. Они о чём-то спорили. Сначала мы не могли разобрать взволнованно сыплющихся слов, повидимому, очень возбуждённого Кнуда. Шкипер отвечал редко и более спокойно.

— Ты глуп, Кнуд Ансен. Молод и глуп, говорю я тебе. Бог знает, что ещё выйдет из вашей затеи, — заключил шкипер. — Один бог знает.

Голоса смолкли. Спор не возобновлялся. Кручинин поманил меня и, нарочито громко ступая по прибрежной гальке, направился к судну. Придя на него, мы увидели, что Ансен сидит возле люка, ведущего в крошечную каютку. Шкипер лежал в каютке. Очевидно, потому его голос и доносился до нас не так громко. Хотя мы с Кручининим старались приблизиться так, чтобы нас было слышно издали, оба они, повидимому, были настолько заняты своими мыслями, что заметили нас лишь, только когда мы подошли к самому берегу. Какая-то излишняя суетливость чувствовалась в их движениях, когда Кнуд спускался в шлюп-

РЕНТГЕНОХИРУРГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Во время наступления лейтенант К. был ранен осколком вражеской мины. В тяжёлом состоянии доставили его в ближайший госпиталь. Просвечивание рентгеном показало, что оско-

изображение инородного тела и точное место его залегания.

Объёмность изображения устраняет чрезвычайно важный дефект обычной рентгенографии, при которой хи-

Швее попала в руку часть иглы. Эта небольшая промышленно-бытовая травма доставляла раньше много хлопот хирургу и немало мучений пострадавшим. Рентгеноскопия показывала местонахождение иглы. Хирург делал в определённом месте небольшой разрез, а затем пальцами пытался нащупать обломок, но его уже на этом месте не было: игла уходила дальше в ткань. Хирург делал новый, более глубокий разрез, с теми же результатами.

В настоящее время в Институте рентгенологии и радиологии назначен специальный день (среда) для удаления инородных тел промышленно-бытовых травм. И буквально в какие-то минуты получают скорую и безотказную помощь до 15 пострадавших.

Мы уже указывали, что операция по удалению инородного тела начинается в затемнённой комнате под рентгеновыми лучами. Хирург видит осколок, делает в определённом месте небольшой, весьма экономный надрез, затем вводит в него новокаин. Кроме обезболивания новокаин благодаря своему гидравлическому действию даёт возможность оперировать «тупым» способом, т. е. не рассекав

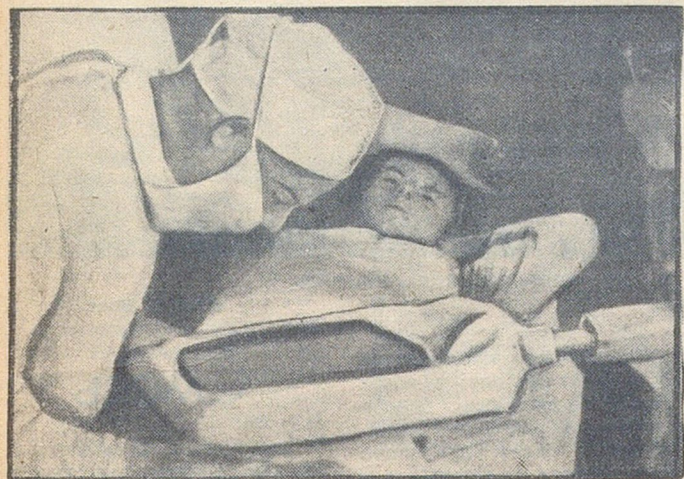
ткань, а расслаивать её и добираться инструментом к инородному телу. Наконец, зажим у цели. Хирург захватывает инородное тело, тогда включают свет и наступают заключительный этап операции.

Чтобы во время операции у хирурга не произошло ожогов рук от рентгеновых лучей, диаметр операционного поля с помощью диафрагм и бленд сокращают до размеров маленького квадрата.

Двухтрубный рентгеновский аппарат портативен, включается в обычную осветительную сеть. Его можно установить в любых условиях. В настоящее время приступлено к серийному производству двухтрубных рентгеновских аппаратов.

Простой и доступный способ извлечения инородных тел является результатом продолжительного и настойчивого труда, исканий и изобретательства хирурга В. А. Головиница. Разработанная им методика удаления инородных тел при двухтрубном рентгеновском аппарате принесёт огромную помощь в лечении доблестных защитников нашей родины.

И. Гейзер

С помощью рентгеновского аппарата хирург определяет подход к инородному телу.

лок застрял в тазовой области. Три раза оперировали лейтенанта К., пытаясь удалить осколок, а всё безрезультатно.

Раненого доставили в Москву и поместили в хирургическое отделение Центрального института рентгенологии и радиологии имени В. М. Молотова. На хирургическом столе осколок под рентгеновыми лучами был обнаружен и быстро удалён.

В Институте рентгенологии и радиологии, которым руководит заслуженный деятель науки профессор С. А. Рейнберг, за последнее время доцент В. А. Головиниц и ряд сотрудников института сделали тысячу сложнейших операций, связанных с удалением инородных тел. И все с неизменным хорошим результатом. Операция, которая длилась раньше 3—4 часа, сейчас занимает у хирурга 15—20 минут.

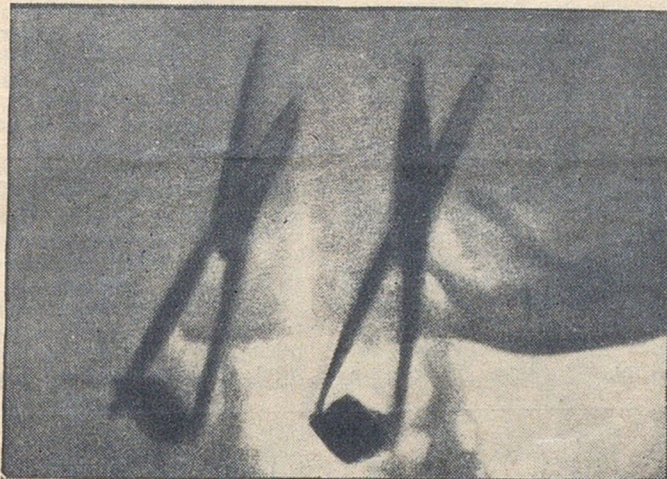
На помощь хирургу пришла рентгентехника. В Институте рентгенологии и радиологии хирург первый этап операции, вплоть до захвата инородного тела зажимом, совершает в затемнённой комнате при особом рентгеновском аппарате, что даёт возможность теперь всё время наблюдать интересующий его объект.

Какими же свойствами обладает этот аппарат, сконструированный Н. П. Бродовским? В отличие от обыкновенного рентгеновского аппарата он имеет вместо одной трубки две, расположенные под углом. С помощью такого аппарата на экране получают стереоскопическое, объёмное

рентгеновское изображение инородного тела, но не знает, на какой глубине оно залегает.

Под рентгеновыми лучами нового аппарата хирург оперирует быстро, точно, уверенно и экономно, не задевая жизненно важных сосудов и тканей. Он имеет возможность подойти к осколку с наиболее выгодных позиций.

Теперь множественные осколки в кисти и в стопе, причиняющие больным страдания, удаляются очень быстро. Причём функции пострадавших органов не нарушаются. Так же просто и быстро извлекаются инородные тела из грудной клетки, позвоночника.

Момент подхода и захватывания инородного тела — осколка мины.

Знаете ли вы...

...что в плеяде замечательных артистов, которыми Россия обладала ещё с конца XVIII века, особенно выделялся трагический актёр Алексей Семёнович Яковлев (1773—1817), игравший на петербургской сцене и за свой талант получивший прозвание «русского Тальмы»?

...что Яковлев был театральным учеником знаменитого Дмитревского?

...что в то время для первых трагических ролей в труппе было всегда два актёра: один — для ролей благородных, страстных, пламенных, другой — для ролей, которые требовали таланта более глубокого и трагического? Яковлев же, по гибкости своего таланта, играл не только роли обоих ампула, но и другие.

...что Яковлев переиграл почти весь драматический и трагический репертуар того времени, начиная с трагедий Сумарокова и Княжнина, затем Озерова, Вольтера, Шекспира, Шиллера и т. д.?

...что современник Р. Зотов так отзывался о Яковлеве: «Пальма первенства принадлежала Яковлеву. Этот артист был необыкновенным явлением своего времени. Без малейшего образования, он одним художническим чувством успел возвыситься до прекраснейших идеалов поэзии»?

...что Ф. Кони так характеризовал значение творчества Яковлева: «До него истинные чувства не были знакомы актёру. Всё ограничивалось одной пышной декламацией, подогретой поддельным жаром. Яковлев первый понял, что этого недостаточно для искусства... и умел как-то душою сродниться с представляемым лицом, прививал себе его страдания и был всегда так естественно потрясён на сцене, что невольно потрясал своих зрителей»?

Почему мы так говорим

КРОКОДИЛОВЫ СЛЕЗЫ

По свидетельству Геродота, в древнем Египте существовал культ крокодилов. Жрецы приносили священным крокодилам жертвенных животных, заботились о них, украшали их драгоценностями, а после смерти мумифицировали их трупы и хоронили в гробницах. В Фаюме, где почитался бог Собе, его изображали в виде крокодила. Путешественники сообщают о сходном культе в некоторых местностях Индии. Древняя легенда рассказывает о том, что в Египте крокодилам приносились также человеческие жертвы. Пожирая эти жертвы, священные крокодилы будто бы проливали горькие слёзы. Поэтому лицемерные слёзы или сочувствие мы называем «крокодиловыми».

САКСОФОН

Широко используемый в джазовой музыке саксофон — инструмент не новый. Он был изобретён ещё в

прошлом веке (в 1846 году) бельгийским музыкантом Саксом, откуда и его название (от Сакс и греческого «фоне» — звук).

КАРАКУЛЬ, КАРАКУЛИ

На первый взгляд кажется очевидным, что слова «каракуль» и «каракули» родственны: каракуль — мех, весь в мелких завитках; каракули — завитки подобно узору меха каракуля. На самом деле происхождение этих слов различно. «Кара куль» значит на татарских и тюркских языках «чёрное озеро». На берегах Кара Куля в Средней Азии издавна разводили стада овец с красивой, мягко выходящей шерстью, давшие имя меху. По-французски и по-немецки каракуль называется «астракан» от нашего города Астрахани, откуда шёл вывоз этого ценного меха за границу. А «каракули» — видоизменённое «караколь», что значит по-итальянски «улитка». К нам это слово попало через французский язык. Каракули — линии, витые, как улитка.

И. Уразов

СПОРТ

ПОБЕДИТЕЛИ ВСЕСОЮЗНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Триста соревнований по 26 видам спорта — таков всесоюзный календарь 1945 года, оставляющий далеко позади спортивные календари довоенных лет по размаху и разнообразию встреч, матчей, турниров, первенств, спартакиад, розыгрышей кубков.

За период январь — июль проведены первенства СССР по лыжам, конькам, фигурному катанию, плаванию, борьбе, боксу, штанге, велосипеду (шоссе и кросс). Всего состоялось 90 соревнований на звание чемпиона СССР 1945 года. За семь месяцев советскими спортсменами установлено 43 рекорда по лёгкой атлетике, плаванию, велосипеду и гимнастике.

Среди 64 чемпионов 1945 года пятнадцать победителей впервые завоевали это звание. Среди них конькобежец Прошин (Москва); лыжники: Кустов (Ленинград), Филатов (Москва), Семиразумов (Москва); кроссменка Овсянникова (Москва); фигурист Падурди (Эстония); пловцы: Заклинская (Ленинград), Беззаботнова (Москва); борцы: Кауби (Эстония), Кожарский (Москва), Аболлини (Латвия); боксёр Гудушаури (Тбилиси); велосипедисты: Чистяков (Москва) и Пимнис (Литва).

Пловцы Виталий Ушаков («Торпедо») и Зинаида Шелешнева («Зенит») — пятикратные чемпионы этого го-

да. Четыре победы на всесоюзных соревнованиях завоевал мировой рекордсмен по плаванию Леонид Ушаков («Сталинец»). По три грамоты всесоюзного чемпиона вручены: конькобежцам Прошину (ЦДКА), Исаковой («Динамо») и пловцу Макаровой («Спартак»).

Большой успех выпал на долю спортсменов профсоюз. Они выиграли 41 первенство и установили 22 рекорда. По количеству установленных рекордов в этом году на первых местах: краснофлотец Балтийского флота Антонина Зубкова — восемь рекордов, московский пловец Зинаида Шелешнева — семь рекордов, московский гиревик Григорий Новак («Крылья Советов»), установивший шесть мировых рекордов. Динамовцы завоевали двадцать шесть первенств и установили четыре рекорда. Спортсмены Красной Армии и Военно-Морского Флота выиграли пятнадцать первых мест на семи первенствах СССР. Ими установлено одиннадцать рекордов. Спартаковцы принесли своему обществу восемь первенств и три рекорда.

Львиная доля побед досталась москвичам. Спортсмены столицы записали свои имена в календаре 1945 года в 70 соревнованиях. Москвичи установили 26 рекордов. У ленинградцев десять рекордов и девять первенств. В списке

Яхты на Клязьминском водохранилище.

Фото Т. Майт

призёров и рекордсменов спортсмены 11 городов от 7 республик.

Самый молодой чемпион 1945 года — лыжник Александр Филатов. Ему 17 лет. Чемпионов «старичков» возглавляет 39-летний велосипедист Борис Чистяков. У женщин самая молодая чемпионка — Нелла Беззаботнова (прыжки в воду) 19 лет. Самая взрослая — Татьяна Гранаткина (фигурное катание) 38 лет.

В оставшиеся пять месяцев 1945 года произойдут встречи на звание чемпиона СССР: в августе — по гребному спорту, теннису, трековым велогонкам, плаванию (командный зачёт по городам); в сентябре — по лёгкой атлетике, парусу, стрельбе, городкам, мотоциклу, вольной борьбе, волейболу и водному поло; в

октябре — по рукопашному бою и баскетболу; в ноябре — по фехтованию, борьбе (на звание абсолютного чемпиона) и боксу (на звание абсолютного чемпиона) и в декабре — по гимнастике.

В сентябре состоится последний, 132-й матч на первенство по футболу, в октябре — финал «Кубка СССР».

Пять спартакиад состоялось в августе: в Сибири (в Омске), на Дальнем Востоке (в Чите), на Урале (в Челябинске), на Северном Кавказе (в Махач-Кале), в Прибалтике (в Таллине). В сентябре состоится спартакиада Средней Азии во Фрунзе и в октябре — спартакиада Закавказья в столице Грузии — Тбилиси.

Платон Ипполитов,
заслуженный мастер
спорта СССР

Смесь

ДРЕВНЕЙШАЯ ЗАПИСЬ О СОЛНЕЧНОМ ЗАТМЕНИИ В РОССИИ

Под 1065 годом мы читаем в летописи:

«Пред сим же временем солнце пременяся, но акы месяц бысть... се же бывають сия знамения не из добро мы бо по сему разумехом».

Как установлено современными учёными, в летописи имеется хронологическая ошибка: затмение произошло не в 1065 году, а 19 апреля 1064 года. Наиболее замечательное по реализму описание солнечного затмения находим в другой летописи под 1185 годом:

«Бысть знамение в вечернюю годину в солнци: бысть морочно велми яко и на боле часа, и звёзды видети, и человеком в очию акы зелено быше, и в солнци учинилося акы месяц, из рога его акы огонь горяшь исхождаще, и страшно бы человеком видети...»

В. П.

РАСТЕНИЕ-КОМПАС

В Америке, в прериях, встречается интересное растение-«компас». По нему точно и безошибочно можно определить направление стран света. Растение сдвинуто с боков. Узкой частью оно обращено с юга на север, широкой — с востока на запад. Таким путём растение-«компас» предохраняет себя от засухи, царящей в прериях. Его листья, обращённые узкой стороной к солнцу, благодаря незначительной поверхности испаряют ничтожное количество воды. Подобные же растения-«компасы» растут у нас в СССР, в степях. Это латук (дикий салат).

50 ЛЕТ НАЗАД

По страницам русской печати за 1895 год

«В текущем году заканчивается постройка нового здания С.-петербургской консерватории, перестраиваемого из бывшего Большого театра. Здание это предполагается осветить электричеством, и для этой цели во дворе его построена центральная станция с паровыми динамомашинками для освещения. Сцена большой концертной залы будет снабжена всеми новейшими усовершенствованиями для трёхцветного освещения с регулятором» («Театральные известия» № 139).

«В с. Борисовке, Грайворонского уезда, в 76 верстах от Харькова, существует тщательно охраняемый домик, где жил Пётр Великий. Домик двухэтажный; наверху две комнаты; а внизу — одна; вокруг дома идёт галлерея. На нём надпись: «Генеральная имп. квартира» русскими и латинскими буквами попеременно. Замечательным памятником пребывания здесь царя является множество фоллантов, заключающих данные, относящиеся ко времени Полтавской битвы и вообще деятельности его на юге России. Они помещаются в нижнем этаже, занимая сверху до низу почти всю комнату; несколько толстых папок разбросано на лавке вверху, служившей по мнению «Южн. Кр.» вместо кровати Петру» («Книжный вестник» № 12).

«На днях приступлено к работам по сооружению в Москве памятника Н. И. Пирогову на Девичьем поле. Памят-

ник воздвигается на площадке между университетскими факультетскими клиниками: терапевтической и хирургической» («Литературное обозрение» № 27).

«Гр. Л. Н. Толстой снова заставил говорить о нём Москву по поводу присутствия своего в московском окружном суде на этот раз не в качестве присяжного заседателя, а простого зрителя. Как сообщают «Нов. Дня», в VII отделении окружного суда в среде немногочисленной публики был и гр. Л. Н. Толстой. «Наш маститый писатель», — говорит газета, — был не в обычной блузе, каким его рисуют на портретах, а в костюме европейского покроя. Граф живо интересовался всем ходом судебного следствия, прений и даже формальностями по составлению присутствия суда. Всё время у него в руках была записная книжка, куда он часто вносил свои заметки. Слух о пребывании гр. Л. Н. Толстого быстро разнёсся по всем коридорам суда, и в Митрофаньевскую залу то и дело заходили посмотреть известного писателя. Все удивлялись лишь тому, что гр. Л. Н. выбрал так неудачно день, когда рассматривались совершенно ничтожные дела».

Наш маститый писатель сумел, конечно, найти много интересного и в этих «совершенно не интересных» делах, которые представляют любопытный материал для психолога и бытописателя» («Литературное обозрение» № 17).

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Н. Зубарёва

ПАРТИЯ

играна в финале XIV первенства СССР по шахматам

Защита Нимцовича

Смыслов Романовский

(Москва) (Москва)

1. d2 — d4 Kc8 — f6

2. c2 — c4 e7 — e6

3. Kb1 — c3 Cf8 — b4

4. Fd1 — b3 Kb8 — c6

Обычное продолжение

здесь 4. ... c5

5. e2 — e3 d7 — d5

6. a2 — a3 Cb4 — e7

Невыгодно чёрным играть 6. ... C: c3 +, так как белые берут ферзем и избегают неприятного для них сдвоения пешек.

7. c4 : d5 e6 : d5

8. Kgl — e2 ...

Оригинальный план развигия: белые намерены оккупировать конём поле f4.

8. ... 0 — 0

9. g2 — g3 Kc6 — a5

10. Fb3 — a4 c7 — c6

11. Cf1 — g2 Cc8 — f5

12. 0 — 0 b7 — b5

Ведёт к ослаблению ферзевых флангов чёрных. Лучше было вернуть на поле боя стоящего не у дел коня a5, играя 12. ... Kc4.

13. Фа4 — d1 Fd8 — d7

14. Ke2 — f4 Ce7 — d6

Этот ход не достигает цели. Следовало опять подумывать о будущем коня a5 и сыграть 14. ... Kc4.

15. Kc3 — c2 Jf8 — e8

16. b2 — b3! ...

Теперь конь a5 надолго выключается из игры.

16. ... Ka5 — b7

17. Jf1 — e1 a7 — a5

18. a3 — a4 b5 — b4

Серьёзная ошибка. Лучше было не запарить игру на ферзевом фланге, а сыграть 18. ... ba, 19. ba, Cb4; и затем через поле d6 вернуть к жизни коня b7.

19. Cc1 — b2 Fd7 — e7

20. Kf4 — d3 Kf6 — d7

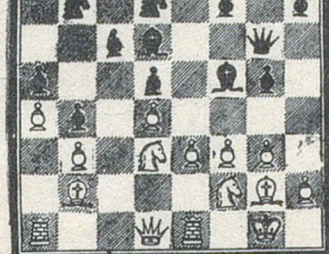
21. Ke2 — f4 Fe7 — f6

Чёрные маневрируют весьма неудачно: ферзь занимает здесь малонадёжную позицию.

22. f2 — f3 g7 — g5

23. Kf4 — h3 Ff6 — g6

24. K3 — f2 ...

24. ... Kd7 — f6

Стремясь предупредить 25. e4, чёрные не замечают другие опасности.

25. La1 — c1 La8 — c8

26. Kd3 — e5 Cd6 : e5

27. d4 : e5 Kf6 : d7

28. g3 — g4 ...

Наступление белых пешек решает исход борьбы.

28. ... Cf5 — e6

29. f3 — f4 f7 — f5

Иначе последует 30. f4 — f5

30. e5 : f6 Ce6 — f7

31. f4 — f5 чёрные сдались.

Если 31. ... Fh6, то решает 32. e4 и дальнейшие потери чёрных неизбежны.

15. ... a7 : c5

16. d4 : b6 f6 — e5

17. a3 — b4 h6 — g5

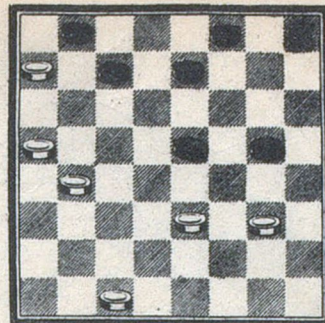
18. b6 — a7! ...

В несколько худшей позиции находят эффектный и форсированный путь к ничьей.

18. ... d8 — c7

19. f2 — g3! ...

Теперь чёрным не избежать комбинации

КРОССВОРД

Составили читатели «Огонька» школьники

Ю. Кабанов и А. Машлатин

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Город в СССР. 2. Болельщик. 6. Русский полководец. 8. Автоброневая военная машина. 13. Герой повести Пушкина. 15. Столе. 16. Советский писатель. 20. Курс судна относительно ветра. 21. Шум. 22. Город в СССР. 23. Индийская монета. 24. Жилище у кочевых народов. 29. Советский художник. 31. Рыба. 32. Омельность, решимость. 33. Дозор. 36. Предмет домашнего обихода. 40. Часть лица. 42. Крестный отец. 43. Ружьё. 44. Река в Индии. 45. Река в СССР. 50. Еда. 51. Русский писатель. 52. Приток Волги. 53. Знаменитый английский физик. 58. Обожжённая и размоленная огнеупорная глина. 59. Двигатель. 60. Древнеримский писатель. 61. Река в Англии. 67. Остров в Средиземном море. 68. Насекомое. 69. Место спортивных выступлений. 70. Пастырь. 73. Геометрическое тело. 75. Мужской го-

лос. 76. Часть электромагнита. 77. Хищник. 79. Член футбольной команды. 83. Часть лица. 85. Холодное оружие. 86. Плоскогорье. 87. Молодые рога оленей. 88. Национальность. 94. Город в СССР. 95. Известия. 96. Жестокость, произвол. 97. Заострённый шест. 98. Город в СССР. 103. Английский фельдмаршал. 104. Порода собак. 105. Взрывчатое вещество. 106. Планета. 107. Государство в Европе. 108. Оредство транспорта. 109. Музыкальный инструмент.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Световое явление. 3. Французский драматург. 4. Остров в Средиземном море. 6. Город в СССР. 7. Караул. 9. Порода крокодилов. 10. Небольшое судно. 11. Органическое вещество. 12. Дерево. 14. Шарообразный сосуд. 17. Трёхмачтовое военное судно. 18. Горы в Азии. 19. Наездник. 25. Птица. 26. Извест-

19. ... g5 — h4

Другие продолжения складывались в пользу белых.

20. a5 — b6!! c7 : c3

21. c3 — d4 h4 : f2

22. d4 : d5 f8 — g7

23. d8 — c7! ...

Самый короткий путь к ничьей

23. ... b8 : d6

24. a7 — b8. Сопласились на ничью.

ный мореплаватель. 27. Река в Средней Азии. 28. Древнеперсидский царь. 30. Алкогольный напиток. 34. Домашнее животное. 35. Столица Афганистана. 37. Город в СССР. 38. Почтовый знак. 39. Произведение Пушкина. 41. Русский художник. 46. Минерал. 47. Русский композитор. 48. Веселье, утех. 49. Место исторических боёв. 64. Верхняя женская одежда. 55. Шифр. 56. Большой сосуд. 57. Смолистое вещество, собираемое на почках деревьев пчёлами. 62. Вождь крестьянского движения в конце XVII века. 63. Государство в Азии. 64. Цирковой актёр. 65. Курорт в СССР. 66. Римский император. 71. Продукт переработки нефти. 72. Островные группы в Тихом океане. 74. Вор. 78. Ненужный хлам, мусор. 79. Столица европейского государства. 80. Палач. 81. Продукт питания. 82. Число. 83. Прибор для измерения скорости судна. 84. Продукт сухой перегонки каменного угля. 89. Побуждение. 90. Сосуд, изолирующий содержимое в нём от влияния внешней температуры. 91. Обувь. 92. Топкое место. 93. Болезнь. 99. Гиги. 100. Сосуд. 101. Югославский маршал. 102. Насекомое.

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Торчинского

ПАРТИЯ

играна в полуфинале VII первенства СССР

Г. Торчинский Б. Миротин

(белые) (чёрные)

1. c3 — d4 d6 — e5

2. g3 — f4 e5 : c3

Это сильнее, чем 2. ... e5: g3, так как после 3. h2 : f4 белые без затруднений развивают свой левый фланг, получая свободную и инициативную игру.

3. b2 : d4 f6 — g5

4. h2 — g3 ...

Белые избирают слабую систему развития. Лучше было играть 4. a3 — b4.

4. ... g5 — h4

5. a1 — b2 g7 — f6

6. b2 — c3 ...

Плохо было бы 6. f4 — e5 из-за 6. ... h8 — g7 с подавляющим позиционным преимуществом у чёрных.

6. ... f6 — g5

7. c3 — b4 ...

Нельзя было 7. d4 — e5 из-за 7. ... e7 — d6 с последующим b6 — c5 и т. д. с выигрышем.

7. ... b6 — a5

8. d4 — c5 a5 : c3

9. d2 : b4 c7 — b6.

Сыграно не лучшим образом. После 9. ... h8 — g7 белым пришлось бы добиваться ничьей. Например: 9. ... h8 — g7; 10. e1 — d2 c7 — b6;

11. b4 — a5 b6 : d4; 12. e3 : c5

g5 : e3; 13. f2 : d4 h4 : f2;

14. g1 : e3 h6 — g5; 15. e3 — f4 g5 : e3; 16. d4 : f2 g7 — f6; 17. c1 — b2 f6 — e5; 18.

b2 — c3 e5 — f4; 19. c3 — b4

e7 — f6; 20. c5 — b6 a7 : c5; 21.

b4 : d6 и т. д. И при других предложениях белые достигали ничьей лишь единственными ходами.

10. b4 — a5 b6 : d4

11. e3 : c5 g5 : e3

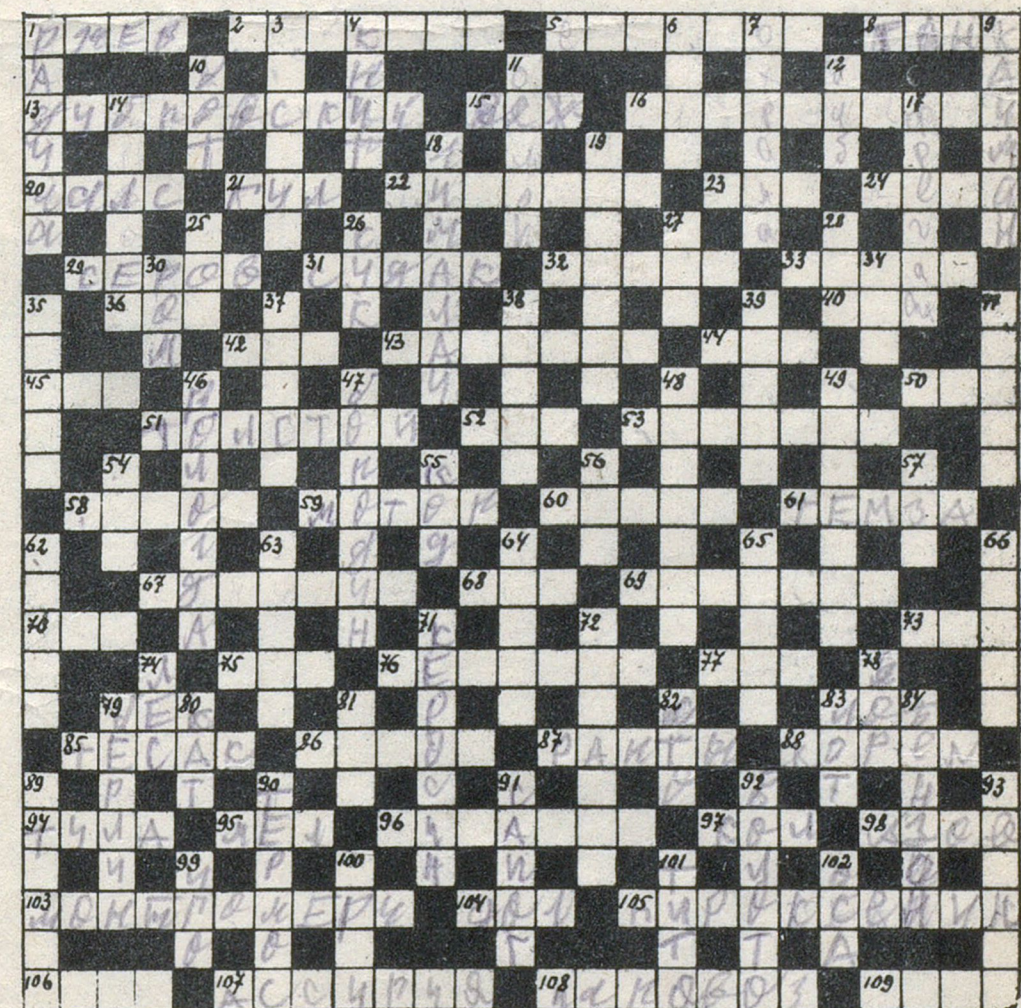
12. f2 : d4 h4 : f2

13. g1 : e3 h8 — g7

14. e1 — f2 g7 — f6

15. c5 — b6! ...

Единственный ход, парализующий угрозу e7 — d6; так нельзя играть 15. e3 — f4 из-за 15. ... f6 — e5!; 16. f4 : d6 a7 — b6! и т. д. с лёгким выигрышем.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 33 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Вальс. 4. Баран. 7. Город. 10. Оляха. 12. Драга. 14. Содом. 16. Мясик. 18. Аркан. 19. Сурок. 20. Рента. 21. Рампа. 24. Карка. 26. Пирог. 28. Прага. 31. Ро-

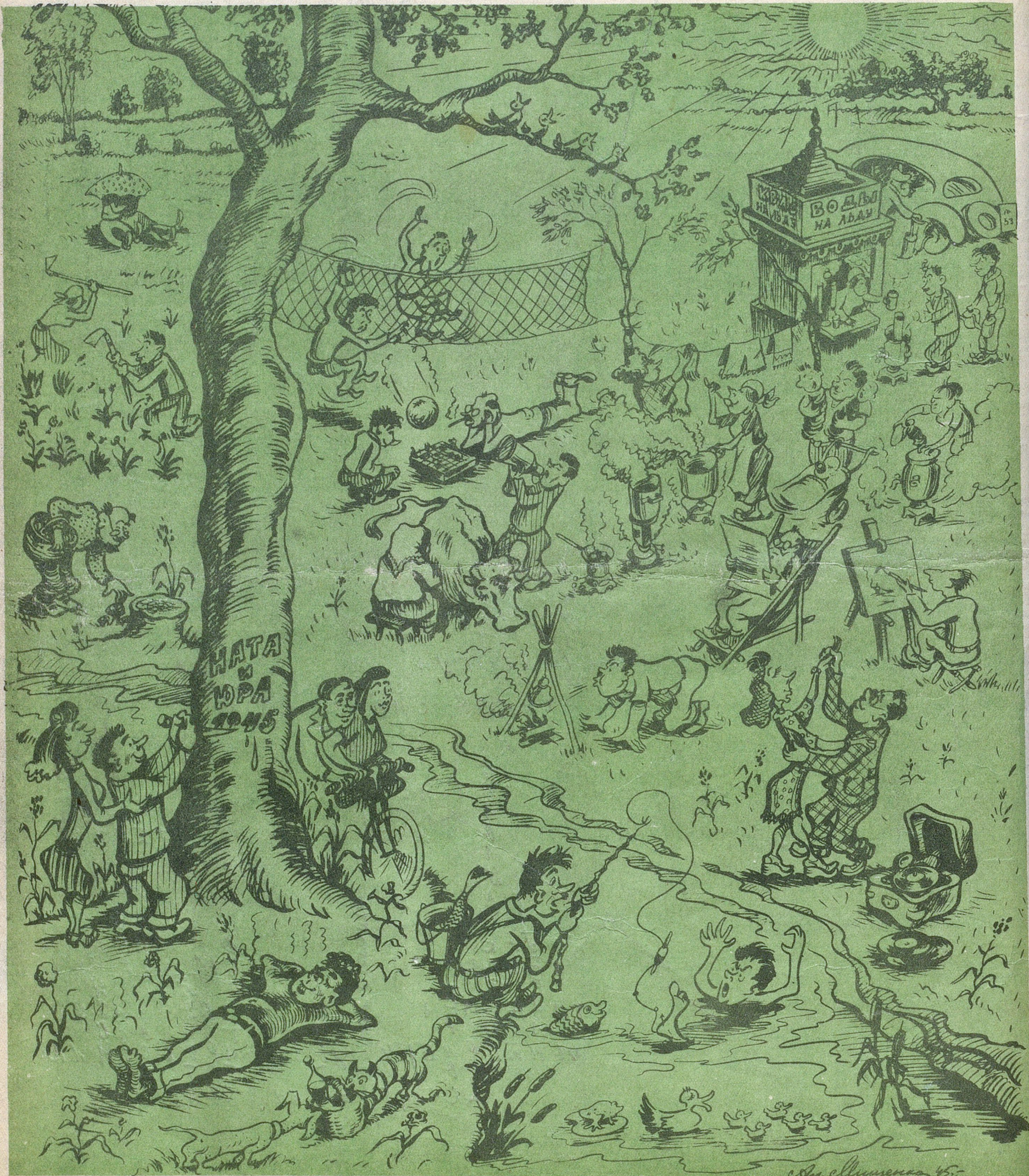
ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Влага. 2. Латук. 3. Судан. 4. Брасс. 5. Рупор. 6. Носок. 7. Гомер. 8. Ре-

дан. 9. Домна. 11. Лампа. 13. Ампер. 15. Днепр. 17. Сапог. 21. Разум. 22. Милан. 23. Акрон. 24. Канва. 25. Анчар. 26. Право. 27. Грена. 28. Пикар. 29. Аргон. 30. Азарт. 35. Идеал. 37. Тесак. 39. Остов. 41. Ельня. 42. Капри. 43. Нарым. 44. Орден. 45. Батка. 46. Равец. 47. Огня. 48. Котви. 49. Буфер. 50. Апаха.

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ ПОЛЬЗОВАНИЯ ЛОНОМ ПРИРОДЫ

Рисунок А. Мищенко. Текст Эмиля Кроткого.

1. Лоно природы начинается непосредственно за конечной остановкой троллейбуса — комья с прогнозом Бюро погоды. Если дождь не предсказан, захвати зонтик.
2. Перед выездом за город, озна- 3. Коньков с собой не бери — летом льда не бывает даже в киосках — сколько угодно! 5. Не лови рыбы в мутной воде: поймашь не то, расписывайся на деревьях. Для этого есть ЗАГС. 8. Не разводи костра! своей спутницей, танцуй с ней. 10. Не пей сырой воды, если это тебе
4. В Тулу со своим самоваром не ездят. В Кунцево на что рассчитывал! 6. Не заглядывай под шляпки грибам, это нескромно. 7. Не Костёр культурного человека — примус. 9. Если тебе не о чем разговаривать со не свойственно. Будь ближе к своей природе!